

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

С. Г. КАПКАНЩИКОВ

**КРИЗИСЫ В МЕХАНИЗМЕ ЦИКЛИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ
И РОЛЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ИХ ПРЕОДОЛЕНИИ**

Учебное пособие

Ульяновск

УлГТУ

2011

УДК 33(075)

ББК 65 я 7

К 20

Рецензенты: заведующий кафедрой мировой экономики и истории экономических учений УлГУ, доктор экономических наук, профессор Гурова И. П.,
доцент кафедры экономической теории УлГУ, кандидат экономических наук
Моисеева Ю. О.

*Утверждено редакционно-издательским советом УлГТУ
в качестве учебного пособия*

Капканщиков, С. Г.

К 20 Кризисы в механизме циклического развития экономики и роль российского государства в их преодолении : учебное пособие / С. Г. Капканщиков. – Ульяновск : УлГТУ, 2011. – 93 с.

ISBN 978-5-9795-0817-7

Излагается круг проблем, относящихся к мировому финансово-экономическому кризису и характеристике противоречий антициклического регулирования в России, поиску наилучшего для нашей страны варианта государственной стабилизационной политики.

Пособие предназначено для студентов-бакалавров, аспирантов экономических специальностей и преподавателей при использовании в процессе более глубокого изучения раздела «Макроэкономический анализ».

УДК 33 (075)

ББК 65 я 7

ISBN 978-5-9795-0817-7

© Капканщиков С. Г., 2011
© Оформление. УлГТУ, 2011

Введение

Становление в современной России системы развитых рыночных отношений кардинальным образом изменяет сам тип хозяйственной динамики нашей страны. Вместо поступательного наращивания объема выпуска продукции в рамках централизованно-планируемой экономической системы, где производственный спад был совершенно нетипичным явлением, формируется такой механизм общественного воспроизводства, в рамках которого изменения валового внутреннего продукта жестко подчинены объективной закономерности цикличности.

В этих условиях заведомо иллюзорными становятся надежды на некое бескризисное развитие отечественной экономики по принципу «от хорошего к лучшему», здесь и правительственные структуры, и Центральный банк, и производители, и потребители, и предприниматели, и наемные работники – словом, все субъекты экономической системы – во избежание неприятных неожиданностей обязаны чутко отслеживать хозяйственную конъюнктуру, предвидя ее грядущие перепады и по возможности заблаговременно реагируя на их разрушительные последствия. Иначе говоря, анализ и прогнозирование конъюнктурных сдвигов выступают в подобной ситуации непременными условиями выживания субъекта в нестабильной внешней среде.

Поэтому формирование способности к неустанному осмыслению поступающей извне многообразной информации о переменах индикаторов состояния мировой и российской экономики выступает немаловажным направлением профессиональной подготовки экономистов.

Глава 1. Циклические колебания экономической конъюнктуры и их причины. Классификация экономических циклов

Категория «конъюнктура» имеет латинское происхождение и обозначает соединение, связь, постановку в зависимость, сочетание обстоятельств, создающих ситуацию. Данный термин нередко используется для характеристики кратковременных, случайных изменений на рынке (от такого понимания произошел эпитет «конъюнктурщик»). Однако экономическую конъюнктуру следует интерпретировать более широко – это сочетание обстоятельств, определяющих социально-экономическую динамику общества как в ближайшей, так и в весьма отдаленной перспективе.

Изменение конъюнктуры протекает в форме цикла, по траектории которого национальная экономика движется от одного макроэкономического равновесия к другому. Экономический (промышленный, деловой) цикл – временной период развития национальной экономики, находящейся между следующими друг за другом верхними точками перелома (пиками). В рамках цикла наблюдается последовательное чередование периодов оживления и сокращения хозяйственной активности вдоль тренда долговременного роста национальной экономики. Тренд реального ВВП, который графически является результатом соединения точек, фиксирующих его величину в начале и конце исследуемого периода, характеризует тот объем продукта, который можно произвести в обществе при условии полного использования всех имеющихся в нем производственных ресурсов. Представляя собой прямую, уходящую от оси абсцисс вверх под определенным углом, он позволяет прогнозировать динамику ВВП методом экстраполяции сложившихся в прошлом долговременных тенденций на более или менее отдаленное будущее. Вверх и вниз от тренда регулярно происходят волнообразные синхронизированные отклонения фактического ВВП от его потенциальной величины, называемые отставаниями выпуска и имеющие ту или иную амплитуду.

В верхней точке цикла хозяйственная активность намного выше долгосрочного тренда, в то время как в нижней точке достигается минимальный для данного цикла уровень активности субъектов экономической системы.

Объективная закономерность циклического развития экономики впервые проявилась в конце XVIII – начале XIX в., когда после завершения первого

промышленного переворота отчетливо обозначилась тесная взаимосвязь всех отраслей рыночной экономики, освобожденной от пут натурального хозяйства. В дальнейшем такая закономерность проявлялась в любой экономической системе, хотя специфика системы (например, планово-регулируемой или переходной экономики) может проявиться в определенных деформациях циклической амплитуды колебаний деловой активности. Однако даже в этом случае характерная для индустриального (и постиндустриального) общества органическая взаимосвязь элементов экономической системы не оставляет ни одной из стран шанса избежать кризиса или инфляционного бума. Так, несмотря на то, что в экономике СССР и современной России не наблюдалось неких «правильных» циклов, кризисные явления время от времени посещали и эти экономические системы. Кризис сбыта промышленной продукции 1923–1924 гг. стал следствием произвольного завышения цен на нее. Прямым результатом насильственной ломки сложившихся ранее взаимоотношений города и села явился хлебный кризис 1927–1928 гг. В дальнейшем отчетливо наблюдались такие кризисные потрясения, как голод 1932 г., сопряженный с разрушением традиционного уклада в сельском хозяйстве; военный кризис 1941–1942 гг.; спад 1952–1953 гг., связанный с кардинальной сменой политического руководства; кризис 1963 г., случившийся в результате использования волюнтаристских методов управления народным хозяйством; депрессивное состояние национальной экономики в 1972 г. как проявление нарастающей неспособности административно-командной системы обеспечивать социальный прогресс; спад конца 1980-х – начала 1990-х гг. как индикатор нарастающего разложения системы; стагфляция периода рыночной трансформации российского общества. При этом после глубочайшего спада в 1991–1994 гг. в России (особенно в некоторых ее регионах) наблюдалась некоторая стабилизация экономической ситуации, однако сокращение ВВП в 1998 г., которое часто называют «кризисом внутри кризиса», явилось еще одним испытанием на прочность для отечественной экономики. Обозначившийся после этого падения экономический рост, как показали кризисные процессы 2008–2009 гг., тоже не мог быть непрерывным. Впрочем, вряд ли следует признать плодотворными попытки прямого наложения циклических характеристик на экономику нашей страны – природа кризисов и подъемов здесь (еще явно недостаточно изученная) представляется весьма специфиче-

ской, – однако было бы явной ошибкой и искусственное вычленение ее из общемировой закономерности цикличности.

Характерная черта цикличности – движение по спирали (а не по кругу), поэтому логично заключить, что цикличность является формой прогрессивного развития. Только циклически развивающаяся экономика эффективна. Экономические системы, в которых цикличность подавлена (например, гипертрофией государственного вмешательства в нерыночную экономику СССР), напротив, обречены в лучшем случае лишь на экстенсивный рост.

Прогнозирование экономической конъюнктуры может быть успешным лишь при условии, что экономическая теория научно обоснует глубинные причины циклического развития экономики. Однако к настоящему времени в мировой науке еще нет единодушия в ответе на этот принципиальный вопрос. Так, представители неоклассического направления полагают, что нарушение баланса между совокупным спросом и совокупным предложением – с соответствующими отклонениями объема выпуска от потенциально возможного его уровня – может быть лишь случайным и, главное, непродолжительным. Механизм гибких цен, заработной платы и процентных ставок в условиях свободной конкуренции (если таковая сохраняется) при невмешательстве государства и профсоюзов в хозяйственную жизнь способен, по их мнению, быстро восстановить пошатнувшееся равновесие, нейтрализуя воздействие на экономику серии внешних импульсов (шоков). Развивая данные взгляды, монетаристы объясняют сколько-нибудь крупные перепады в динамике экономической конъюнктуры скорее неверными действиями государства по регулированию денежного обращения (выражающимися в колебаниях темпов прироста денежной массы), нежели нестабильностью, внутренне присущей рыночной экономике. Именно в ошибочной политике Федеральной резервной системы, не обеспечившей американскую экономику достаточным количеством денег в период Великой депрессии, усматривает лидер монетаристов М. Фридман причину этого самого глубокого потрясения в истории рыночной экономики. При такой постановке вопроса сам собой напрашивается вывод неоклассиков о необходимости либо ослабления государственного регулирования экономики (во избежание очередных роковых ошибок властей), либо существенного повышения его качества, например в монетарной сфере.

Кейнсианская теория перенесла центр тяжести теоретического исследования с проблемы кризиса как такового на более широкую проблему цикла вообще. Было признано, что кризисы – неизбежное явление в ходе развития рыночной системы, и опасны не только они, но и «перегрев» конъюнктуры, сопровождаемый инфляционными процессами, которые предшествуют очередному кризису. Для кейнсианцев кризисы не являются ни случайностью, ни результатом ошибок в экономической политике, ни следствием затруднений сугубо денежного характера. Причины циклических колебаний, по их мнению, коренятся не в изменениях внешней среды, они органично присущи рыночной экономике.

Кейнсианская теория цикла включает в себя четыре главных компонента: факторы, определяющие инвестиционный спрос (инвестиционная функция); факторы, детерминирующие потребительский спрос (функция потребления); понятия мультипликатора и акселератора, с помощью которых инвестиции и потребление связываются с движением национального дохода. Если автономные инвестиции воздействуют на динамику национального дохода с интенсивностью, равной величине мультипликатора, то выделенные из возросшего в умноженном размере дохода производные инвестиции зависят от того, какая доля его прироста потребляется, а какая направляется на инвестиционные цели. Эти чистые инвестиции через запуск мультипликативного эффекта в очередной раз обеспечивают прирост национального дохода и т. д. В результате экономическое развитие идет по нарастающей – вплоть до момента полного использования имеющейся рабочей силы или оборудования. Если в период оживления механизм мультипликатора – акселератора подталкивает инвестиционную активность вверх и вызывает хозяйственный подъем, то в кризисный период – усиливает деинвестирование экономики и соответственно ее сжатие. Такое взаимодействие мультипликатора и акселератора формирует, по мнению многих представителей кейнсианской школы, механизм самоподдерживающихся циклических колебаний национальной экономики.

Таким образом, классическая теория циклов является экстернатальной (внешней), она усматривает главные причины конъюнктурных колебаний в действии экзогенных факторов цикличности, лежащих за пределами экономической системы. Такими факторами могут быть революции, государственные перевороты, войны, крушения международных союзов, другие политические потрясения; открытие золотых и других месторождений, изменяющих соотношение экспор-

та и импорта, вызывающих миграцию населения, освоение новых территорий; мощные прорывы в технологии производства; социальные потрясения, обусловленные эпидемиями и природными катаклизмами, и другие факторы – вплоть до солнечных затмений. Любой из этих факторов в состоянии оказать негативное или позитивное влияние на экономику (ввергая ее в состояние спада или подъема), и ей потребуется некий временной отрезок для возвращения к стабильному состоянию.

Теория циклов кейнсианцев, напротив, является интернальной (внутренней). В ее основу закладываются объективные механизмы, расположенные внутри экономической системы и придающие циклам силу самовоспроизводства, бесконечного повторения. Причем важнейшими из подобных эндогенных движущих сил цикличности признаются колебания спроса на потребительские и особенно инвестиционные товары. Будучи наиболее изменчивым компонентом совокупных расходов, инвестиции (и обеспечивающие их сбережения) совершают регулярные колебания во времени и в пространстве.

По всей видимости, истина здесь, как и везде, находится посередине – на стыке экстернальных и интернальных теорий. Экономический цикл подобен игрушечной лошадке-качалке: она хотя и раскачивается случайными внешними толчками, однако имеет частоту и амплитуду колебаний, которые в решающей мере зависят от факторов внутреннего характера, а именно от ее размера и массы. Пытаясь вскрыть природу экономического кризиса 2008–2009 гг. в России, С. Алексащенко ставит вопрос: «можно ли все списать на Америку, считая российский кризис «наведенным»? Или же в России хватает своих причин для кризиса, которые лишь подтолкнули события на мировом финансовом рынке?»¹ Отвечая на подобные вопросы, большинство современных исследователей склоняются к мысли, что циклы и кризисы есть синтетический результат действия экзогенных и эндогенных факторов. Причем внешние факторы (которые лучше называть поводами) – это производители первоначальных импульсов цикличности, отражающихся в резком изменении совокупного спроса и совокупного предложения. Внутренние же, глубинные причины через взаимодействие мультипликатора и акселератора способствуют дальнейшему распространению колебаний. При этом все факторы имеют определенное значение – ведь странно было бы спорить о том, что важнее для быстрого перемещения в про-

¹ Алексащенко С. Кризис–2008: пора ставить диагноз // Вопросы экономики. – 2008. – №11. С. 25.

странстве: сам автомобиль, его двигатель, колеса, трансмиссия или же наличие дорог и автозаправочных станций по ходу движения. Например, в период «горячих» и «холодных» войн (внешний фактор) расширяющийся спрос на продукцию военно-промышленного комплекса (фактор внутреннего порядка) увеличивает занятость до сверхзанятости, и это подстегивает инфляцию. Но после заключения мира сокращение военных расходов вполне способно перерасти в глубокий спад, сопряженный со значительной безработицей.

Экзогенными факторами экономического кризиса-2009 в России явились сокращение внешнего спроса на отечественную продукцию со стороны остального мира, оказавшегося в состоянии глобальной рецессии, и, как результат, резкое падение мировых цен на поставляемые нашей страной энергоносители. Немаловажной причиной спада стало и стремительное сокращение возможностей российских компаний и банков продолжать заимствование средств у нерезидентов, к чему они явно «прикипели» в предкризисный период. Однако негативный эффект подобного внешнего шока был в немалой степени усилен несвоевременностью антикризисных перемен в проводимой российским государством внутренней экономической политике, инструменты которой не позволили властям адекватно отреагировать на сформированные за рубежом угрозы экономического роста. Причем, хотя действие негативных факторов внешней среды оказалось недолговечным, и российский экспорт быстро достиг приемлемой отметки, глубинные дефекты сложившегося механизма государственного регулирования национальной экономики (например, крайне непропорциональное изменение цен на монопольных и конкурентных рынках, усилившее диссонанс в и без того несопоставимых уровнях рентабельности соответствующих компаний и чудовищные диспропорции в распределении добавленной стоимости) не позволили ей избежать полномасштабного спада.

Признавая значимость всех других внешних поводов и внутренних причин цикличности в качестве материальной основы периодических колебаний экономической конъюнктуры, следует все же особо выделить объективную общественную потребность в регулярном обновлении различных компонентов инвестиционных благ. В соответствии с классификацией реальных инвестиций можно, в частности, выделить четыре разновидности циклов:

1) короткие циклы Дж. Китчина, продолжающиеся 3–5 лет (около 40 месяцев) и имеющие своей движущей силой динамику инвестиций в товарно-

материальные запасы (поэтому их называют циклами запасов). В период роста экономики регулярно наступают моменты, когда запасы производимых потребительских и инвестиционных товаров превышают некое пороговое значение, задаваемое общественными потребностями в них. Чрезмерное накопление запасов закономерно погружает национальную экономику в кризисное состояние. При этом пороговой считается такая величина запасов благ, которая превышает месячный объем продаж в обрабатывающей промышленности в 1,7 раза, оптовой торговле – в 1,2 раза, розничной торговле – в 1,4 раза. Так, эти показатели в кризисный 1982 г. составляли в США соответственно 1,73; 1,24; 1,40²;

2) среднесрочные циклы К. Жюглара продолжительностью 7–12 лет (промышленные циклы, «бизнес-циклы»), обусловленные динамикой инвестиций в активную часть основного капитала, т. е. в машины и оборудование;

3) циклы С. Кузнеца, проявляющиеся прежде всего в строительстве (поэтому их называют строительными циклами), где период обновления жилых зданий и производственных сооружений за счет соответствующих инвестиций составляет 20–25 лет;

4) циклы Н. Кондратьева («длинноволновые циклы») продолжительностью 40–60 лет. Для них экзогенным фактором выступает неравномерность научно-технического прогресса, в результате которого регулярно происходят радикальные изменения в технологической базе общества (появление электроэнергии, железных дорог, компьютеров и т. п.), его структурная перестройка – то наращивание, то, наоборот, сокращение инвестиций в элементы основного капитала с длительным (около полувека) сроком службы.

При этом считается, что средний цикл Жуглара состоит из двух коротких циклов Китчина, в то время как два цикла Жуглара образуют длинный цикл Кузнеца. Два последних накладываются на полувековой «большой цикл конъюнктуры» Кондратьева, играющий определяющую роль в экономическом развитии общества и связанный с преобразованиями не только в технической базе производства (сменой преобладающего технологического уклада), но и в области менеджмента, с рождением новой парадигмы образования, появлением нового вида энергоносителя, транспорта, качественного иного способа связи. Ха-

² Для сравнения – в СССР в 1985 г. они составляли: в производстве 2,4, в торговле 3,6, хотя о каком-либо кризисе говорить было тогда не принято. К тому же нельзя забывать, что чрезмерные запасы являются неременным атрибутом дефицитной экономики.

ракти, например, среднесрочного цикла в немалой степени определяется тем, на какую волну цикла долгосрочного – повышательную и понижательную – он пришелся. Наихудшее же состояние национальной экономики наблюдается в ситуации, «когда падающая ветвь длинной волны Кондратьева совмещается с нисходящей фазой среднесрочных циклов (Кузнецца, Жюглара) или краткосрочных циклов (Китчина)»³.

Регулярно проходя через те или иные волны цикла Кондратьева, мировая экономика оказывалась в наихудшем состоянии в 1841–1843 гг., 1891–1896 гг., 1929–1933 гг. Крупные структурные потрясения всемирного хозяйства (инициированные «нефтяным шоком») в середине 1970-х гг. вновь опустили его на самое «дно» очередного кондратьевского цикла, после чего опять обозначилась восходящая фаза. Это проявилось в ускорении темпов экономического роста индустриально развитых стран мира вплоть до середины 1990-х гг., в благоприятной комбинации высоких продолжительных подъемов и нечетко проявляющихся незначительных спадов. Генератором подъема явились новации в сфере кибернетики, генной инженерии, революционные нововведения в химии (в частности, связанные с появлением синтетического топлива и искусственных материалов с заранее заданными свойствами), в сельском хозяйстве, самолетостроении и т.п. Затем в результате их постановки «на поток» где-то в районе второго десятилетия XXI в. вполне вероятным станет (если опираться на концепцию «длинных волн») замедление темпов развития мировой экономики – с затяжными кризисами, продолжительными депрессиями и относительно слабыми циклическими подъемами⁴. И хотя перегретая мировая экономика в 2006 г. развивалась неплохим темпом в 3,9%, борьба с нарастающей инфляцией потребовала ужесточения денежно-кредитной политики, что вызвало уменьшение прироста всемирного ВВП – вплоть до его абсолютного сокращения в кризисные 2008–2009 гг. Можно предположить, что именно пребывание мировой экономики на нисходящей волне кондратьевского цикла явилось глубинной причиной недавней глобальной хозяйственной рецессии, создавая «риски не столько «второй волны» кризиса, сколько медленного, хромающего роста мирового

³ Кушлин В. Посткризисная экономика: управление развитием // Экономист. – 2010. – №6. – С. 15.

⁴ Постепенное замедление мировой экономики и без того уже становится очевидным. Хотя в среднем за 1961—2005 гг. ее рост в 12 наиболее развитых странах мира протекал темпом в 4,1%, однако это было достигнуто за первые три десятилетия (4,7%), в то время как для последних 15 лет этого периода рост ВВП не выходил за рамки 2,8%.

хозяйства в ближайшие годы»⁵. А это (в сочетании с разворачиванием процессов ресурсосбережения, освоением новых технологий разведки и добычи, разработкой альтернативных источников энергии и т.п.) неминуемо приведет, в частности, к торможению спроса на природное топливо и сырье⁶. В особо тяжелом состоянии окажется экономика тех стран (включая Россию), которые специализируются на поставках данной продукции на мировые рынки.

Как видим, специфика фазы длинноволнового цикла активно воздействует на среднесрочную динамику, а та, в свою очередь, накладывает свой отпечаток на механизм разворачивания краткосрочных колебаний конъюнктуры (и наоборот).

Периодические взлеты и падения экономики проявляются прежде всего в несоответствии совокупного спроса и совокупного предложения. При этом наиболее характерными являются следующие виды экономической конъюнктуры:

- восходящая – формируется в условиях, когда совокупный спрос значительно превосходит совокупное предложение. Как следствие, объем производства нарастает, занятость расширяется, цены вначале стабильны (кейнсианский отрезок кривой совокупного предложения), а затем постепенно повышаются (промежуточный отрезок);
- высокая – складывается в условиях полной занятости, когда национальная экономика функционирует на полную мощность, а цены растут (классический отрезок кривой) или являются стабильно высокими;
- нисходящая – характеризуется превышением совокупного предложения над совокупным спросом. В результате сокращается объем производства и занятость населения. В то же время общий уровень цен далеко не всегда и не сразу понижается – проявляется эффект храповика; их значительное снижение наблюдается лишь в случае затяжного и глубокого спада;
- низкая – проявляется в относительно стабильных низких ценах при кризисных процессах в сферах производства и занятости.

⁵ Набиуллина Э. О приоритетах экономической политики в 2010 г. // Экономист. – 2010. – № 6. – С. 3.

⁶ Так, если за прошедшие 30 лет мировой энергетический рынок расширялся темпом 2% в год, то в ближайшие четверть века средний темп его развития, по экспертным оценкам, не превысит 1,7% (Миронов В., Пухов С. Российская экономика в контексте развития мировых энергетических рынков // Вопросы экономики.–2006.–№ 8. С. 120).

Восходящая и высокая конъюнктура неблагоприятны для покупателей товаров и услуг и потому характеризуются понятием «рынок продавца». Нисходящая и низкая конъюнктура обозначаются категорией «рынок покупателя».

Состояние конъюнктуры принципиально невозможно оценить, используя один-единственный показатель, их в распоряжении экономической науки должна быть целостная совокупность: сезонно сглаженный индекс промышленного производства; уровень товарных запасов; цен; процента; курсов ценных бумаг; прибыли; степень загрузки производственных мощностей; численность безработных; динамика заработной платы и т. п. При этом периодические отклонения ВВП от трендового уровня порождают циклические сдвиги и в неэкономических явлениях – браках, рождаемости, качестве питания и продолжительности жизни населения. Даже выборы органов власти проходят под влиянием циклов в экономике: обычно в период циклического спада правящая партия передает власть в руки оппозиции. В свою очередь неэкономические циклы оказывают заметное воздействие на хозяйственную жизнь. Так, цикличность солнечной активности воздействует на величину урожая в сельском хозяйстве, здоровье населения.

Индикаторы конъюнктуры можно с определенной степенью условности разделить на запаздывающие, совпадающие и опережающие. Запаздывающими являются, например, показатели численности безработных, удельный вес расходов на заработную плату в структуре издержек фирм, средний уровень процентных ставок коммерческих банков; совпадающими – динамика ВВП и объема промышленной продукции, уровень инфляции в стране, процентные ставки центрального банка, число заявок на рекламу. Наибольшую же значимость для целей прогнозирования имеют опережающие индикаторы, достигающие своего максимального или минимального значения перед приближением пика или дна цикла. Использование их целостной совокупности позволяет предвосхищать будущую хозяйственную динамику, предсказывать момент перехода национальной экономики от одной фазы цикла к другой.

К показателям, точки поворота у которых достигаются раньше, чем у экономики в целом, относятся: изменения в запасах; динамика заказов на новые машины и оборудование, а также на потребительские товары длительного пользования и строительство жилья (число новых строительных контрактов); средняя продолжительность рабочей недели в обрабатывающей промышленно-

сти; динамика цен на важнейшие виды топлива и сырья (особенно нефть)⁷, сводные индексы курсов акций (например, индекс Доу-Джонса, разработанный еще в 1888 г. Чарльзом Доу) и др. Для оценки будущей инфляции учитывается соотношение темпа прироста денежной массы и масштабов изменения спроса на деньги. Предвидение изменения курса национальной валюты опирается на учет пропорции между золотовалютными резервами центрального банка и денежной массой, обращающейся в данной стране: чем ближе она к 100%, тем менее вероятной становится девальвация национальной валюты. Тот факт, что валютные запасы КНР достигли сегодня отметки в 2 трлн долл., серьезно ослабляет угрозу ускорения инфляции в этой стране. При появлении первых признаков ускорения ценовой динамики центральный банк сразу же начнет интенсивно продавать иностранную валюту, сжимая тем самым предложение юаней на денежном рынке.

Идея построения индекса опережающих индикаторов впервые возникла в США еще в 1930-е гг., а с конца 1960-х гг. в этой стране ежемесячно публикуются соответствующие показатели. В рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1980-е гг. были рассчитаны индикаторы «раннего обнаружения» для стран – членов этой организации, а с 1990-х гг. – и для таких стран, как Турция, Корея, Польша и Венгрия. Важнейшим препятствием на пути построения подобной системы в России долгие годы являлся наблюдавшийся в ней экономический спад, все никак не достигавший своей нижней точки, который сопровождался к тому же кардинальной, непредсказуемой ломкой воспроизводственной структуры национальной экономики. В настоящее время многие объективные предпосылки для проведения экспериментальных исследований созданы, и настало время переводить в практическую плоскость проблему выявления восходящих и нисходящих фаз циклического развития российской экономики, а также расчета сводного индекса опережающих индикаторов. К таковым могут быть отнесены лишь те зарекомендовавшие себя в мировой практике, подверженные циклическим колебаниям показатели

⁷ Так, в рамках подготовленных Банком России трех сценариев экономического роста в 2011 г. в случае достижения мировой ценой нефти отметки в 60 долл. за баррель прогнозировалось увеличение российского ВВП всего на 3,6%, а инвестиций – на 2,9%. Но если среднегодовая цена нефти поднимется до 75 долл., то данные показатели составят соответственно 4,2% и 10%. И, наконец, если нефть подорожает до 90 долл., то хозяйственная динамика нашей страны выразится цифрами 4,8% и 11%.

конъюнктуры, по которым имеется информация – надежная, сопоставимая и оперативно обновляемая на протяжении достаточно протяженного временного интервала.

При этом одни показатели конъюнктуры являются проциклическими, т. е. изменяются синхронно с колебаниями реального ВВП (загрузка производственных мощностей, инвестиции в основной капитал, уровень цен, предложение денег, скорость их обращения, объем заказов, курсы акций и т. п.), другие – контрциклическими, имеющими обратную динамику (инвестиции в товарные запасы, уровень безработицы, дефицит государственного бюджета, величина государственного долга и др.). Кроме того, существуют и ациклические индикаторы, изменение которых происходит без видимой связи с перепадами экономической конъюнктуры. К ним можно с определенными оговорками отнести размер экспорта, импорта товаров и услуг, величину некоторых государственных расходов, в частности на нужды национальной обороны или развитие фундаментальной науки и техники.

Индикаторы варьируются и по «размаху крыльев», т. е. по степени своей изменчивости. Одни из них (например, уровень заработной платы) довольно устойчивы к переменам, уходя вверх (вниз) всего на несколько процентов. Колебания других (курса акций, объема заказов) случаются и в разы. Наиболее изменчивым компонентом ВВП являются инвестиции. Так, если падение российского национального продукта в кризисном 2009 г. составило 7,9%, то сокращение инвестиций оказалось более чем в 2 раза значительнее – 16,2%. Довольно резко колеблется также величина экспорта и импорта (а значит, и торгового баланса), в то время как потребительские расходы изменяются по фазам цикла весьма незначительно. Амплитуда колебаний темпа инфляции заметно выше, чем уровня безработицы.

Экономическая конъюнктура есть объективная реальность. Возможности влияния на нее людьми жестко ограничены рамками некоего «коридора свободы». Но если наукой выявлены закономерности данной экономической системы, то открывается возможность прогнозировать ее предстоящее развитие. Для решения этой принципиально важной задачи используются экономико-математические модели конъюнктуры (называемые экономическими барометрами), в которых формализуются взаимосвязи различных показателей. Первая модель конъюнктуры была построена в Гарвардском университете (США) в

1917 г. В «Гарвардском экономическом барометре» как синтезирующем «датчике» конъюнктуры нашли отражение взаимосвязи нескольких наиболее «чувствительных» характеристик состояния рынка: курсов акций промышленных фирм; объема производства чугуна; рыночных цен; ставок процента и некоторых других. Однако в нем наблюдались весьма произвольная подборка используемых в модели показателей конъюнктуры, крайне ограниченное число этих показателей (затрагивающих к тому же преимущественно сферу обращения, а не производства), абстрагирование от многообразных взаимосвязей воспроизводства. В результате данный барометр оказался не в состоянии предвидеть момент наступления Великой депрессии 1929–1933 гг. и адекватно оценить ее разрушительную силу. Накануне «черного вторника» 29 октября 1929 г. он предсказывал относительно благоприятную конъюнктуру.

Дальнейшие успехи в построении конъюнктурных моделей опирались на улучшение системы сбора и обработки информации, усложнение модельных конструкций и программного обеспечения компьютерного моделирования, а также на всесторонний анализ закономерных связей в экономической системе, без выявления которых модели принципиально не могут претендовать на большее или меньшее соответствие объективной реальности. Вместе с тем, несмотря на бесспорные успехи прогнозирования, становится все более очевидным тот факт, что для предвидения момента перехода от одной фазы цикла к другой невозможно найти точные формулы, подобно формулам, позволяющим, например, точно предсказать момент полного солнечного затмения. Значимым недостатком всех используемых сегодня индикаторов цикличности является наличие множества ложных сигналов. К тому же циклы в природе и циклы в обществе столь же разительно отличаются друг от друга, как различаются в целом природные явления, не зависящие от человека, и явления социальные, которые, будучи гораздо более многофакторными, к тому же в значительной мере воплощают в себе результаты сознательной деятельности людей. А коль скоро строгой периодичности в перепадах экономической конъюнктуры все же нет, то многие прогнозисты склонны рассуждать не о циклах в экономике (как раз предполагающих регулярность), а о колебаниях (флуктуациях) конъюнктуры, не имеющих строгой периодичности. Причем если традиционный подход к прогнозированию, используемый, например, в США со времен Великой депрессии, опирается на концепцию цикла деловой активности и делает акцент на

предсказание самого направления хозяйственной динамики (вверх-вниз, спад-подъем), то концепция циклов роста, применяемая в ОЭСР, основывается на выявлении лишь скорости позитивной эволюции национальных хозяйств (быстрее-медленнее, ускорение-торможение). Полагая, что существовавшая в развитых странах в недалеком прошлом реальная угроза кризиса сегодня в небольшой степени нейтрализована, сторонники второго подхода делают акцент в своих исследованиях на закономерности перехода от ускоренного экономического роста тех или иных государств к их замедленному росту.

Контрольные вопросы

1. Каково соотношение между категориями «экономическая конъюнктура» и «экономический цикл»?
2. Когда и в связи с чем в мировой экономике стала все более отчетливо проявляться циклическая форма изменения конъюнктуры?
3. Является ли циклическое развитие национальной экономики объективной закономерностью или же оно обусловлено сугубо субъективными причинами? Свяжите ваш ответ с дискуссией классиков и кейнсианцев в данном вопросе.
4. Проявляется ли закономерность циклического развития в планово-регулируемой экономике?
5. Каков, в трактовке классиков, рыночный механизм, препятствующий проявлению безработицы и инфляции, а значит, и циклических колебаний экономики?
6. Каково видение причин циклических колебаний конъюнктуры в кейнсианской экономической теории?
7. Охарактеризуйте экономический цикл как синтетический результат действия экзогенных и эндогенных факторов.
8. Каковы, на ваш взгляд, внешние и внутренние причины экономического кризиса-2009 в России?
9. Каковы основные разновидности экономических циклов? Какие факторы определяют периодичность этих колебаний? Связаны ли между собой различные виды циклов?
10. Каков ваш прогноз состояния мировой и отечественной экономики на ближайшие десятилетия, опирающийся на концепцию «длинных волн» Н. Д. Кондратьева?

- 11.** Каковы наиболее характерные состояния экономической конъюнктуры и отличительные признаки каждого из них?
- 12.** Назовите не менее десяти индикаторов экономической конъюнктуры. Какие из них являются, на ваш взгляд, опережающими, а какие – совпадающими и запаздывающими?
- 13.** Приведите не менее пяти проциклических и пяти контрциклических индикаторов конъюнктуры с обоснованием причин их изменения в определенном направлении.
- 14.** Колебания каких показателей конъюнктуры оказываются более и менее существенными?
- 15.** Каковы достоинства и недостатки гарвардского «экономического барометра»?
- 16.** В чем состоят сложности прогнозирования экономической конъюнктуры, и каковы, на ваш взгляд, пути их преодоления?

Глава 2. Фазы экономического цикла.

Механизм выхода из кризиса

Типичный экономический цикл состоит из четырех основных фаз:

- 1) спад, кризис, сжатие;
- 2) депрессия, нижняя точка спада, его «дно»;
- 3) оживление, расширение, восстановление;
- 4) подъем, бум, завершающийся пиком цикла или вершиной процветания.

Фаза кризиса начинается со всеобщего перепроизводства, с того, что совокупное предложение товаров оказывается большим, чем платежеспособный спрос на них. Накапливаются товарные запасы. Сокращается портфель заказов в промышленности, торговле, сфере услуг и других отраслях экономики. В результате избытка предложения на многих товарных рынках наблюдается дефляция. Так, в период Великой депрессии цены в Англии упали на 58%, а в США – на 54%. Предприниматели получают меньшие прибыли (а многие и вовсе терпят убытки). К сокращению прибыли фирм в обстановке экономического спада приводит не только падение цен, но и наблюдающийся в предкризисный период опережающий рост оплаты труда сравнительно с его производительностью (чему, в свою очередь, способствует ситуация сверхзанятости, укрепляющая на рынке труда позиции профсоюзов). Уменьшение рентабельности через урезание выплат акционерам по дивидендам находит отражение в снижении курсов акций большинства фирм. Так, в кризисном 2009 г. в России в несколько раз упали индекс ММВБ (взвешенный индекс рынка наиболее ликвидных акций российских эмитентов, допущенных к обращению в ЗАО «ФБ ММВБ») и индекс РТС (построенный на основе ценных бумаг 50 наиболее капитализированных российских компаний).

Значительная часть кредитов, выданных банками, переходит в категорию безнадежного долга, что наносит сокрушительный удар по банковской системе страны. Неуклонное падение рентабельности приводит к банкротству многих деловых предприятий (прежде всего тех из них, у которых уровень издержек производства оказывается заметно выше среднеотраслевого уровня) – сначала торговых, а затем и промышленных, – к их слиянию и поглощению со стороны фирм, подтвердивших во время кризиса свою конкурентоспособность. В Вели-

кую депрессию только в США разорились 5760 банков, 110 тыс. торговых и промышленных фирм. В результате массовой остановки предприятий снижается коэффициент загрузки производственных мощностей, сокращается объем выпуска, падает ВВП. С некоторым опозданием (по сравнению со спадом ВВП) это приводит к увеличению безработицы, которое в свою очередь проявляется в сокращении заработной платы (с углубляющими сжатие совокупного спроса и падение национального производства последствиями). Упавшая заработная плата пагубно отражается на ожиданиях потребителей, что становится дополнительным психологическим фактором, резко ограничивающим (в том числе через интенсификацию парадокса бережливости) объем их расходов. Снижение всех видов доходов (особенно прибыли и заработной платы) приводит к сокращению поступлений в бюджетную систему от прямых и косвенных налогов, что порождает бюджетный дефицит и нарастание государственного долга.

Спад производства в различных отраслях и сферах экономики происходит далеко не одинаково. Более всего сокращается выпуск в отраслях, производящих инвестиционные товары и потребительские товары длительного пользования, например металлургии, машиностроения, автомобильной промышленности, производстве компьютеров и др. Это обусловлено двумя обстоятельствами:

- 1) потенциальные покупатели продукции этих отраслей имеют возможность отложить во времени момент их приобретения – станки служат до полного их физического износа, вместо реновации (замены) оборудования производится его капитальный ремонт, потребители воздерживаются до лучших времен от замены автомобиля, приобретения дорогостоящей бытовой техники, мебели и т. п. В то же время покупки продовольствия, одежды, обуви, табачных изделий и других так называемых «мягких» товаров сокращаются намного медленнее – их потребление перенести в будущее не удастся;
- 2) сектор производства потребительских товаров длительного пользования и инвестиционных благ отличается высоким уровнем концентрации производства, а значит и его монополизацией. По законам монопольного рынка, на котором проявляется эффект храповика, в период сжатия совокупного спроса более вероятно не падение цен, а сознательное сокращение крупными фирмами объема производства и занятости. Наоборот, в потребительском секторе, выпускающем товары кратковременного пользования (например, в сельскохозяйственных отраслях), уровень концентрации производства намного ниже, здесь со-

храняются конкурентные отношения, а потому цены падают заметнее, что тормозит спад объема выпуска (фермеры в этот период стараются, наоборот, производить и продавать больше товаров, компенсируя сокращение нормы прибыли увеличением ее массы) – он сжимается в основном из-за банкротства мелких фирм. Таким образом, в фазе спада дефляция проявляется более в отраслях, где существует ожесточенная конкуренция, в то время как глубокое падение производства более вероятно на тех рынках, где господствуют монополисты.

В фазе сжатия предложение ссудного капитала резко снижается вследствие происходящего банкротства многих кредитных учреждений, а также массового изъятия вкладчиками своих денег из банков. Желание же получить кредит, наоборот, становится почти безграничным из-за стремления многих фирм не допустить банкротства и потребности домохозяйств (в том числе столкнувшихся с безработицей и урезанием заработной платы) поддержать привычный стандарт потребления. Сочетание данных обстоятельств приводит к резкому повышению среднего уровня реальной процентной ставки при возможном снижении номинальной ставки процента как цены денег в обстановке всеобщей дефляции. Например, реальная кредитная ставка процента в США в кризисные 1981–1982 гг. достигла рекордного уровня 8% годовых, заметно углубив масштабы экономического спада. Ее рост уменьшает денежную массу в обращении (что в свою очередь еще более снижает цены), становится немаловажным дополнительным фактором падения курсов акций и спада инвестиционной активности в стране: валовые инвестиции резко сокращаются, а инвестиции чистые нередко становятся отрицательной величиной. Так, в США валовые инвестиции в 1933 г. составляли 1,6 млрд долл., амортизация – 7,6 млрд долл. Значит, чистые инвестиции достигли отметки в минус 6 млрд долл. В кризисный период наблюдается поляризация общества, подрывающая его социально-политическую стабильность, усиливаются националистические настроения, способные вынести на политический олимп партии фашистского толка. Во избежание притока избыточных товаров из-за границы правительства нередко активно возводятся таможенные барьеры, в результате чего национальная экономика на долгие годы может закрыться политикой протекционизма.

В фазе депрессии достигается низшая точка спада, когда производство и занятость скатываются до своего минимального уровня и временно застывают на нем. Эта остановка спада обусловлена тем, что к концу кризиса «излишние» то-

вары постепенно «рассасываются»: происходящее в ходе него падение цен приводит к некоторому оживлению спроса (как, например, в разгар сезонных распродаж с серьезными скидками) и сокращению предложения товаров (многие предприятия «встают», поскольку их собственники не желают производить продукцию себе в убыток). Но дело не только в низких ценах – к счастью для производителей, потребление в человеческом обществе остановить попросту невозможно. К тому же часть излишней продукции сознательно уничтожается фирмами – при возможной компенсации властями их финансовых потерь. Например, в США в годы Великой депрессии был ликвидирован урожай хлопка на площади 10 млн га, в Бразилии в этот период море ежегодно принимало 10 млн мешков кофе, а 5 млн свиней были сожжены. Да и в наши дни многочисленные общества защиты прав потребителей бдительно следят за соблюдением сроков годности скоропортящейся продукции, которая после его превышения подлежит уничтожению. Правительство вносит свой вклад в восстановление нарушенного макроэкономического равновесия товарных рынков не только через масштабные государственные закупки, но и посредством всемерного поощрения экспорта товаров. В результате всего этого на «дне» спада совокупный спрос и совокупное предложение уравниваются в точке, далеко отстоящей от уровня полной занятости. Причем, если сам кризис может протекать сравнительно недолго, то идущая ему на смену депрессия способна стать гораздо более продолжительной (от полугода до трех лет – в зависимости в том числе и от содержания антикризисных действий властей)⁸.

Во время депрессии цены на инвестиционные товары и заработная плата, а значит, и издержки производства, находятся на наиболее низком уровне. Это связано с массовой безработицей, заметно ослабляющей профсоюзное движение, и низким инвестиционным спросом фирм на оборудование. Поскольку сбережения домохозяйств и фирм понемногу начинают опять стекаться в банки (подтвердившие в кризисную пору свою платежеспособность), а спрос на кредиты поначалу невелик, постольку номинальная ставка процента в этот период относительного затишья достигает самого низкого в пределах данного цикла уровня. Это связано не только с избытком денежного капитала, но и с про-

⁸ Фазы спада и депрессии нередко обозначаются термином «рецессия», под которым понимается состояние национальной экономики в условиях либо нулевого роста ВВП, либо его сокращения на протяжении не менее двух кварталов.

текающей дефляцией, ведь процентная ставка – тоже цена (цена денег). Правда, ее сокращение обычно не сопровождается удорожанием акций, поскольку выплат серьезных дивидендов фирмами в этот период не наблюдается. Однако в результате масштабного удешевления всех ресурсов к концу депрессии на некоторых из выживших в кризисный период деловых предприятий появляется первая прибыль: издержки производства здесь снижаются быстрее, чем цена производимой продукции, на которую, как, скажем, на обувь или мебель, спрос есть всегда. К этим так называемым точкам роста добавляются и вновь открывающиеся предприятия, начинающие выпускать принципиально новую продукцию (например, мобильные телефоны), потребность в которой не может быть мгновенно удовлетворена, а значит, ее производство обеспечивает высокую прибыль. Располагая собственным и привлекая заемный капитал (используя доступность кредита), данные фирмы начинают обновлять устаревшее оборудование, т. е. наращивать чистые инвестиции. Через некоторое время это проявляется в повышении производительности труда и дальнейшем удешевлении как традиционной, так и качественно новой продукции – параллельно с увеличением прибыли. Замена основного капитала «передовиками» усиливает его моральный износ на всех остальных предприятиях, побуждая их к ответным действиям по модернизации и технической реконструкции производства во избежание подрыва ценовой конкурентоспособности. Неуклонный рост заказов в сфере инвестиционного оборудования и важные научно-технические изобретения, наиболее интенсивно внедряемые в производство в конце депрессивного периода, создают предпосылки перехода национальной экономики от нижней поворотной точки к фазе оживления. Таким образом, в ходе классической депрессии, как отмечал Й. Шумпетер, происходит созидательное разрушение сложившейся технологической структуры, ее модернизация и за счет этого – повышение эффективности производства и последующий экономический рост.

Массовое обновление активной части основного капитала не только знаменует начало фазы оживления, но и предопределяет последующие колебания воспроизводства, являясь важнейшей материальной основой периодичности деловых циклов. Как видим, «восстановление роста обычно начинается с увеличения государственных (антициклических) расходов и личного потребления, а фирмы запаздывают с инвестициями из-за неопределенности и ограниченно-

сти финансовых ресурсов»⁹. Но именно динамика частных реальных инвестиций в машины и оборудование выступает движущей силой среднесрочной цикличности в экономическом развитии общества. В результате НТП обновление технической базы происходит все чаще, поэтому продолжительность бизнес-циклов постепенно сократилось с 10–12 лет в XIX в. до 7–9 лет (и даже менее) в XX – начале XXI в.

Если в конце депрессии при постоянстве валовых инвестиций происходит рост инвестиций чистых (сокращаются затраты на амортизацию морально устаревшего оборудования), то для стадии оживления характерен рост и валовых капиталовложений. Так, в США объем валовых инвестиций в благополучном 1998 г. составил 765 млрд долл., а величина потребленных в производстве инвестиционных товаров (амортизация) – лишь 505 млрд долл. Это значит, что прирост основного капитала в виде чистых инвестиций характеризовался цифрой в 260 млрд долл. Растущий спрос на машины и оборудование стимулирует расширение производства в инвестиционном секторе национальной экономики. Это позволяет собственникам горнодобывающих, металлургических, энергетических фирм постепенно (промежуточный отрезок кривой совокупного предложения) восстанавливать докризисный уровень рентабельности и вместе с тем увеличивать заработную плату своим работникам. Как следствие, повышается спрос со стороны последних на продукцию и потребительского сектора, успешно удовлетворяя который, легкая, пищевая промышленность, агробизнес, сфера услуг и целый ряд других конечных отраслей тоже начинают наращивать объем выпуска. Причем наивысшие темпы роста наблюдаются, наоборот, у производителей инвестиционных благ и потребительских товаров длительного пользования. В соответствии с кейнсианской функцией потребления рост благосостояния населения сопровождается повышением предельной склонности к сбережению и соответственно – взвинчиванием доли доходов, направляемых затем на покупку дорогостоящих товаров типа холодильников, компьютеров, автомобилей и т. п. Раз нарастает спрос, то функционирующие здесь крупные предприятия-монополисты рано или поздно реагируют на него и увеличивают коэффициент загрузки производственных мощностей, расширяют (правда, опять-таки с некоторым опозданием и пока еще довольно вяло) занятость на

⁹ Григорьев Л., Иващенко А. Теория цикла под ударом кризиса // Вопросы экономики. – 2010. – №10. – С. 44.

своих предприятиях. А пока они «раскачиваются», накопленный за период спада и депрессии объем товарных запасов из-за роста объема продаж в оптовой и розничной торговле достигает нормы. Спрос на ссудный капитал обычно растет быстрее, чем наращивается его предложение, и это влечет за собой рост процентной ставки за кредит. Однако такое удорожание кредита сочетается с ростом курсов ценных бумаг вследствие повышения рентабельности фирм и активной выплаты дивидендов акционерам. Впрочем, повышение процентной ставки не сказывается заметно на инвестиционной активности предприятий, которая подстегивается другими факторами, например, высокой ожидаемой прибылью от капиталовложений. В результате кредитной экспансии высокими темпами нарастает денежная масса, находящаяся в обращении. Расширение спроса на товары и услуги побуждает фирмы, занятые в потребительском секторе, делать дополнительные заказы на инвестиционные товары, и подобное взаимодействие двух секторов национальной экономики толкает ее вперед. Когда же объем ВВП достигает предкризисного уровня, оживление перерастает в подъем, на котором происходит чистый рост национальной экономики, и «рысь переходит в галоп».

Фаза подъема отличается от фазы оживления в основном лишь количественно. Например, она характеризуется высокими ценами, рекордными прибылями фирм (намечается переход на классический отрезок кривой совокупного предложения). При этом всплеск цен в фазу подъема обычно оказывается несравненно более выраженным, нежели их падение в фазе спада. Курс акций растет до максимального в данном цикле уровня. Так, из-за благоприятной конъюнктуры на нефтяном рынке в 2005 г. он увеличился в ОАЭ на 105%, а в Саудовской Аравии – на 65%¹⁰. Вследствие интенсивного роста потребительского, инвестиционного и государственного спроса темпы роста ВВП значительно ускоряются. Расширение налогооблагаемой базы может вызвать коренное изменение финансовой ситуации в стране и формирование в ней бюджетного профицита (как это случилось в США в 1998 г.), что позволяет начать погашение возросшего в обстановке рецессии государственного долга. Достижимый со временем пик цикла характеризуется не только отсутствием вынужден-

¹⁰ Жуков К. Ф. Новые тенденции в накоплении денежного капитала в мировой экономике // Финансы. – 2006. – №7. – С. 24.

ной безработицы, но даже появлением сверхзанятости, функционированием национальной экономики на полную мощность.

Завершающая стадия подъема существенно отличается от начальной его стадии. Опережающие индикаторы конъюнктуры обнаруживают некие симптомы перелома в деловой активности: постепенно сокращается средняя продолжительность рабочей недели, объем заказов на товары длительного пользования, приостанавливается чистый прирост основного капитала, динамика индекса курсов акций становится исключительно нестабильной (соответствующие индексы «пляшут» то вверх, то вниз), на ряде товарных рынков из-за опережающего роста предложения по сравнению со спросом уже начинают понижаться цены. Грядущий кризис перепроизводства становится в немалой степени «заслуженным» сферы торговли, которая в погоне за товарооборотом делает чрезмерные заказы у нередко ничего не подозревающих производителей. Из-за этого подъем на своей завершающей стадии носит сугубо спекулятивный характер. На верхней поворотной точке цикла такой инфляционный бум неминуемо сменяется новым спадом, прежде всего из-за резкого сжатия инвестиционного спроса. Обновив на стадиях депрессии и оживления основной капитал, фирмы склонны ожидать от него отдачи, предпочитая не делать новых масштабных закупок оборудования. Такое нарастающее несоответствие между инвестиционным спросом и предложением капитальных благ рано или поздно приводит к быстро нарастающим трудностям сбыта по всей технологической цепочке фирм, связанных системой разделения труда. Неизбежность очередного кризиса обусловлена и разворачивающейся борьбой государства с нарастающей инфляцией, которая становится центральной макроэкономической проблемой на фазе подъема. Повышение налоговой нагрузки на национальную экономику, сокращение государственных расходов в сочетании со сжатием денежной массы, нейтрализуя негативное влияние инфляционного роста цен, одновременно порождают антипроизводственные процессы, ухудшение ситуации на рынке труда. Наступление экономического спада обусловлено, наконец, самой природой стихийно развивающейся рыночной экономики, где функционируют конкурирующие между собой частные предприниматели, которые в погоне за максимальной прибылью и не согласуя между собой производственные планы, рано или поздно совместно выходят за рамки ограниченного спроса на выпускаемую ими продукцию.

В то же время не следует однозначно негативно оценивать происходящее после этого падение объема национального производства. Циклический кризис наряду со своими разрушительными последствиями выполняет, однако, и важные созидательные функции:

- во время кризиса, пусть на короткое время, но происходит – стихийным путем – насильственное приспособление структуры производства к структуре платежеспособных потребностей, т. е. достигается сбалансированность спроса и предложения. Прохождение рыночной экономики через кризисную фазу – один из способов ее саморегулирования, изменения отраслевой структуры, сброса не пользующейся спросом продукции. В связи с этим так называемое бескризисное развитие плановой экономики неминуемо сказывалось на уровне ее сбалансированности: не получая своевременного разрешения, в ней накапливались глубинные диспропорции, которые рано или поздно должны были ввергнуть ее в глубочайший кризис. Хорошо известно, что советская экономика только по названию была планомерной и пропорционально развивающейся. И это не удивительно, ведь в огромной стране проблема составления и, тем более, практической реализации единого сбалансированного плана была по определению неразрешимой из-за ее колоссальной размерности;
- выход из циклического спада обеспечивается массовым обновлением основного капитала на базе использования технологических достижений. Усиливая моральный износ основных фондов предприятий, и диктуя необходимость их интенсивной замены, кризис как бы «провоцирует» ускорение НТП. В обстановке заметно упавших цен он ставит производителей перед выбором: либо они вписываются в требования современного этапа НТП, либо неминуемо превращаются в банкротов, поскольку в конкурентной среде выпускаемая ими продукция становится некачественной и дорогостоящей. Именно такие последствия в конечном счете имел энергетический кризис 1970-х – начала 1980-х гг., проявившийся с особой интенсивностью в странах, лишенных значительных нефтяных месторождений. Стимулируя поиск дешевых заменителей нефти и внедрение ресурсосберегающих технологий (в том числе выпуск более экономичных в плане потребления топлива автомобилей), этот кризисный спад спровоцировал радикальную технологическую реконструкцию. В результате затраты нефти в расчете на единицу

ВВП в США и Западной Европе уже в 1986 г. сократились в 1,5 раза, а в Японии – в 2 раза по сравнению с уровнем 1972–1973 гг. Наша же страна в этот период (не случайно названный периодом «застоя») откровенно «жировала» на нефтедолларах, большинство предприятий гражданского сектора не стремились активно заниматься ресурсосбережением и внедрять новые поколения машин и оборудования. Как следствие, бескризисное развитие обернулось тактическими выгодами и стратегическими потерями отечественной экономики в последнее десятилетие XX в.;

- кризис «вычищает» из национальной экономики слабые в техническом отношении, неконкурентоспособные фирмы, что содействует повышению общего уровня производительности труда, а значит, и снижению издержек производства многих товаров. В результате потребители получают на рынке возможность покупать более дешевые товары и услуги. В связи с этим в обстановке общехозяйственного спада роль государства состоит вовсе не в вытаскивании множества нежизнеспособных предприятий из кризисной «ямы» (как это до сих пор практикуется в России), а в обеспечении финансового оздоровления экономики путем «сброса» неэффективных, устаревших производств, одновременно с санацией потенциально перспективных фирм. Между тем, в советской хозяйственной практике господствовал идеологический по сути тезис о необходимости всемерной поддержки отстающих промышленных предприятий, колхозов, что на деле обернулось растратой ограниченных производственных ресурсов и, как результат, сочетанием острого товарного дефицита и высоких по мировым меркам цен на целый ряд товаров «не первой необходимости»;
- кризис обеспечивает «рассасывание» товарных излишков, происходящее в этот период снижение цен приводит к расширению сбыта (особенно товаров высокоэластичного спроса), повышению стимулов внешнеторговой экспансии фирм данной страны – особенно в случае падения курса национальной валюты. Нарастивая экспорт, используя демпинговые цены, страны-экспортеры с рыночной, развивающейся в форме цикла экономикой не только быстрее выходят на траекторию оживления, но и получают на многие годы в свое распоряжение рынки тех стран, производителей которых они успешно разорили в кризисный период своей активной ценовой стратегией, разнообразными скидками на форсированную реализацию залежалых това-

ров. Выходу из кризиса в немалой степени способствует и использование таможенных ограничений на ввоз товаров из-за границы вкупе с интенсивным развертыванием – в обстановке девальвации национальной валюты – процессов импортозамещения.

Контрольные вопросы

1. Какие индикаторы конъюнктуры характеризуют пребывание национальной экономики на следующих фазах цикла:

- а)** кризиса;
- б)** депрессии;
- в)** оживления;
- г)** подъема?

Назовите не менее 10 подобных индикаторов с указанием направления их изменения на той или иной фазе.

2. Что представляют собой процентная ставка, динамика цен, курс акций, объем заказов и уровень чистых инвестиций как индикаторы циклического развития национальной экономики?

3. Какие отрасли и сферы экономики и почему более подвержены циклическим колебаниям, а какие – менее подвержены им? Почему аграрные кризисы оказываются более затяжными, нежели кризисы в промышленности?

4. Действие каких факторов в рыночной экономике порождает смену экономического кризиса фазой депрессии?

5. Каков механизм выхода из рецессии? Достигается ли такой выход исключительно за счет действия стихийного механизма рынка или же он предполагает задействование механизма сознательного государственного регулирования экономики?

6. В чем заключается сущность массового обновления активной части основного капитала в качестве материальной основы цикла К. Жюглара?

7. Почему экономический подъем рано или поздно приводит к экономическому кризису?

8. В чем состоит позитивная роль кризисов, каковы последствия их отсутствия в командной экономике?

Глава 3. Особенности современных экономических циклов

После Второй мировой войны в механизме циклических колебаний конъюнктуры произошли существенные изменения. В период послевоенной относительной замкнутости национальных экономик, когда государства-победители на некоторое время разорвали хозяйственные связи с побежденными государствами, в мире проявилась некая асинхронность циклов. В то время как одни страны, экономику которых война затронула мало, закономерно втягивались в кризисную фазу, другие – нуждавшиеся в восстановлении разрушенного хозяйства – вошли в период многолетнего экономического подъема¹¹. Такая асинхронность позволяла в течение примерно двух десятилетий крупным частным фирмам маневрировать своими производственными ресурсами между странами (постепенно «размывая» искусственно возведенные политиками межгосударственные перегородки), что в свою очередь способствовало постепенному сглаживанию циклических спадов и подъемов в рамках всемирного хозяйства. В период мирового кризиса 1973–1975 гг. синхронность колебаний конъюнктуры начала восстанавливаться, чему в немалой степени способствовала деятельность созданной в 1995 г. Всемирной торговой организации (чьим предшественником было Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ)), которая, объединяя свыше 150 стран, преследует цель либерализации международной торговли и обеспечения справедливых условий конкуренции на мировом рынке. В настоящее время в большинстве стран сформировалась так называемая открытая экономика, в которой валютные курсы формируются достаточно свободно – своими отклонениями от тренда оперативно реагируя на перемены в общехозяйственной конъюнктуре, – а доля экспорта и импорта в их ВВП неуклонно растет. В такой обстановке трудно всерьез рассчитывать на возможность сколько-нибудь заметного отрыва национальной динамики от закономерностей колебательного движения мирового хозяйства¹². Например, не-

¹¹ Это заметно по хронологии послевоенного кризиса, который случился в США в 1948–1949 гг., Англии и Франции – 1951–1952 гг., Японии – 1953–1954 гг., ФРГ – 1957–1958 гг.

¹² Впрочем, и в настоящее время синхронизация циклических колебаний является все же относительной. Так, в 1990–1991 гг. в США начался подъем, в то время как в японской экономике обозначились серьезные трудности. Темпы инфляции в различных странах Европейского Союза в январе 2005 г. заметно различались: от 6,7% в Латвии, 4,2% в Греции и Эстонии до минус 0,2% в Финляндии.

давний кризис ипотечного кредитования в США в той или иной степени прокатился по всему миру, подвергнув серьезному испытанию национальные банковские системы и приведя к серьезному падению цен на рынке недвижимости. Хотя сложился взгляд, что экономика Китая в целом неплохо справилась с последствиями глобальной рецессии, в то время как экономике США довелось испытать нечто подобное Великой депрессии, однако сравнение «перепадов» в их хозяйственной динамике в 2009 г. сравнительно с докризисным 2007 г. ($13,0 - 8,7 = 4,3$ п.п. в Китае и $2,1 + 2,4 = 4,5$ п.п. в США) показывает, что потери этих двух ведущих стран в темпах роста ВВП вполне сопоставимы¹³.

Устойчивая тенденция к синхронизации циклических колебаний предопределяет возможность скорейшего выхода из современной общемировой хозяйственной рецессии (в которую оказались ввергнутыми подавляющее большинство стран, особенно развитых) только в случае всесторонней координации действий их правительств и решительного искоренения торгового и финансового протекционизма.

В последние десятилетия происходило общее сокращение амплитуды колебаний объема ВВП, причем средняя высота подъемов сокращалась в значительно меньшей степени, нежели глубина спадов. Так, недавнему общемировому спаду предшествовал один из самых масштабных и длительных подъемов в истории: только за 2003–2008 гг. мировой ВВП повысился на треть, в то время как даже в благоприятные 1990-е гг. для этого потребовалось 8 лет. К тому же продолжительность фазы спада постепенно стала намного меньше временной протяженности фазы подъема. Снижение национального продукта, подобное тому, которое случилось в США в 1929–1933 гг., когда ВВП уменьшился на 30%, а безработица достигла уровня 24,9%, сегодня маловероятно. Так, наивысший уровень безработицы в послевоенный период был достигнут в этой стране в 1982 г., когда она приблизилась к отметке 11%. Конечно, опасность кризисов перепроизводства сохраняется и в настоящее время. Однако она становится реальностью прежде всего в тех странах, где рыночное хозяйство находится в стадии становления. В развитой же рыночной экономике, которая несет в себе больше управляемости, чем стихийности, данную угрозу научились парировать. Этому всемерно содействуют:

¹³ Смирнов С. Факторы циклической уязвимости российской экономики // Вопросы экономики. – 2010. – №6. – С. 45.

- отлаженная система маркетинга, опирающегося на сбор информации о состоянии и тенденциях изменения спроса на продукцию фирм и прогнозирование его динамики в будущем, а также на всемерное стимулирование сбыта;
- долгосрочное стратегическое планирование хозяйственной деятельности предприятий;
- повышение качества опирающегося на достоверные прогнозы государственного регулирования конъюнктуры. В результате ошибки правительства уже едва ли могут быть столь чудовищными, как это случилось, например, в разгар Великой депрессии в США, когда власти предпринимали настойчивые попытки повысить налоги, сократить правительственные расходы и сжать денежную массу, – хотя с позиций сегодняшнего дня большинство экономистов признают целесообразность как раз обратных действий;
- развертывание новейших информационных технологий (в США в них вкладывается до 40% всех инвестиций в основной капитал), позволяющих предугадывать вероятные изменения спроса, предложения, цен, процентных ставок, курсов акций и т. п. В результате этого признак свободного рынка – абсолютная полнота информации – становится все менее абстрактным;
- повсеместный переход на длительные контракты между поставщиками и потребителями. Интенсивно формируется так называемая контрактная, организованная экономика (а не просто рыночная), где потенциальный производитель сначала находит покупателя продукции, которую он в принципе может произвести, и лишь затем запускает производственный процесс. Подобная схема диаметрально противоположна рынку-ярмарке, где вначале производится сам товар, и лишь после этого начинается поиск его покупателя. Контракт, опирающийся на взаимные обязательства сторон, радикально изменяет содержание экономических отношений. Их участники заранее оговаривают и облачают в форму контракта вопросы качества, цены, сроков поставки и т. п. В подобных условиях для фирмы практически исчезает риск произвести продукцию и не продать ее, хотя на смену ему приходит риск иного рода – не найти заказчика. В связи с этим перепроизводству товаров постепенно приходит на смену переизбыток капитала и, как результат, хроническая недогрузка производственных мощностей;
- увеличение доли сферы услуг в структуре ВВП. Так, в 2009 г. около 4/5 работающих американцев трудились в этой бурно разрастающейся сфе-

ре. В отличие от материальных благ услуги (врачей, программистов, банковских служащих и т. п.) невозможно перепроизвести, поскольку, как известно, многие из них лишены материальной формы существования, процессы их производства и потребления неразделимы во времени.

И все же, несмотря на весь этот комплекс обстоятельств, угроза резкого ухудшения конъюнктуры вовсе не исчезла. Так, кризис 2008–2009 гг., начавшийся в США как обычная циклическая «заминка», внезапно приобрел затем глобальный характер и стал вторым после Великой депрессии по многим своим характеристикам.

После кризиса 1930-х гг. массовое снижение цен стало скорее исключением, нежели правилом, хотя и наблюдалось, например, в Саудовской Аравии – в 1978 г., Японии – в 1999 г., Армении – в 1999 г. Более того, в обстановке спада цены могут сегодня даже несколько возрасть. Одним из факторов такой стагнации (пик которой пришелся на середину 1970-х гг.) является сохранившаяся в ряде базовых отраслей практика монопольного ценообразования. Этому же длительное время способствовала кейнсианская традиция наращивания государственных расходов в обстановке экономического спада, предполагавшая и дополнительную эмиссионную деятельность государства. Процентные ставки также могут не расти в фазе спада – из-за антикризисной политики центрального банка, который сознательно понижает плату за кредит для сокращения размеров кризисного падения производства и создания инвестиционных возможностей выхода из стагнации.

Изменение характера циклических колебаний конъюнктуры проявились и в меньшей определенности фаз цикла, когда несравненно сложнее стало четко отделять их друг от друга. «Размывание» фаз циклического развития конъюнктуры связано с развернувшейся в мире научно-технической революцией, которая побуждает предпринимателей обновлять капитал не только при выходе национальной экономики из состояния депрессии, но и на других фазах цикла, включая (конечно, в значительно меньшей степени) и «дно» спада. Такое «размывание» нередко проявляется и в утрате некоторых фаз в механизме циклическости – либо к резкому переходу от кризиса сразу к оживлению, либо к непрерывающему оживлению в подъеме.

Особенность современных циклических кризисов состоит и в переплетении их с целым рядом не менее тяжелых структурных кризисов, связан-

ных с углублением диспропорций между различными отраслями национальной экономики, когда наблюдается однобокое и уродливое развитие одних из них в ущерб другим. В последние годы кризисы оказываются все менее связанными с обновлением основного капитала и переходом к новым технологическим укладам и все более – с потрясениями в системе финансовых отношений. Участились финансовые кризисы как отражение хронического дефицита бюджета и неспособности правительств или частного сектора оплачивать свои долги (кризис 1929–1933 гг., когда прекратили платежи по внешним займам Германия, Италия, Франция, Великобритания, кризис 1997 г. в Юго-Восточной Азии, российский дефолт августа 1998 г., финансовый срыв в Бразилии в начале 1999 г., ипотечный кризис в США в 2007 г., мировой финансовый кризис 2008 г. и др.). Валютный кризис находит проявление в острой нехватке в той или иной стране иностранных «твердых» валют, обычно приводящей к падению курсов национальной валюты. Важнейшим индикатором аграрного кризиса является резкое ухудшение условий сбыта сельскохозяйственной продукции, приводящее к стремительному падению цен на нее.

Структурные потрясения выходят по своей длительности за рамки одного цикла (в этом смысле они продолжительнее циклических кризисов). Так, аграрные кризисы из-за стремления фермеров расширением (а не сужением) объема производства продовольственных товаров компенсировать сокращение цен на него тянутся в мире десятилетиями. С другой стороны, структурные диспропорции хотя и поражают ряд ведущих отраслей, но не выливаются во всеобщее перепроизводство (и в этом смысле они уже циклических). Например, отмеченный ранее нефтяной кризис не затронул страны, имеющие значительные собственные источники энергоресурсов (Саудовскую Аравию, Кувейт и др.). Они, напротив, ускорили в тот период свое развитие.

Взаимосвязь циклических и структурных кризисов выражается, в частности, в том, что циклический подъем в условиях обострения экологического кризиса серьезно замедляется: правительству приходится выделять немалые средства на обеспечение экологической безопасности страны. Выход из структурных кризисов сопряжен с проведением структурной перестройки экономики в направлении использования энергосберегающих и других прогрессивных технологий, качественным улучшением состояния общегосударственных финан-

сов, нахождением способов выхода из долговой «петли», нахождением новых источников сырьевой подпитки экономики и т. п.

Контрольные вопросы

1. Каковы причины синхронизации циклических колебаний в большинстве стран с рыночной экономикой в условиях глобализации?
2. Какие характеристики кризисов изменились в последние десятилетия? Действие каких факторов предопределило эти изменения?
3. Каковы причины уменьшения глубины кризисного падения ВВП в последние десятилетия в индустриально развитых странах?
4. В чем состоят причины «размывания» фаз современного цикла?
5. Почему для современных кризисов нетипичными становятся падение общего уровня цен и увеличение процентных ставок?
6. Каково соотношение циклических и структурных кризисов? Раскройте их взаимосвязь на примере энергетических и финансовых кризисов последних десятилетий.

Глава 4. Политика краткосрочной стабилизации. Противодействие колебаниям экономической конъюнктуры

Антициклическое регулирование, нередко обозначаемое в экономической науке как политика краткосрочной стабилизации, или дискреционная экономическая политика, или политика тонкой настройки, есть комплекс государственных мероприятий, которые проводятся в направлении, противоположном проявившимся в данный момент колебаниям экономической конъюнктуры. Главной целью такого регулирования является достижение стабильного, сбалансированного, равномерно распределенного по волне цикла. В случае достижения этой цели национальная экономика всякий раз в максимально возможной степени приближается к потенциальному уровню ВВП и полной занятости населения, а темпы инфляции (дефляции) оказываются стабильно низкими.

Любое современное государство имеет немалые возможности для достижения указанной цели, поскольку в его распоряжении находятся государственный бюджет, денежная масса и возможность прогнозирования предстоящих перепадов экономической конъюнктуры. Используя эти и другие инструменты в качестве неких контрдействий по отношению к уровню деловой активности, фискальные и монетарные власти способны противодействовать нежелательным изменениям, связанным с всплеском инфляции и безработицы, изменить амплитуду, продолжительность, соотношение фаз цикла. В результате государственного воздействия возможны даже выпадение из цикла некоторых его фаз, непоследовательность их смены с точки зрения чистой теории. «Предсказанный кризис, – отмечают Л. Григорьев и А. Иващенко, – должен быть либо заранее предотвращен, либо сдвинут во времени и трансформирован по форме, что обычно и происходит. С этой точки зрения мерой качества теории цикла применительно к антициклической политике должно быть количество не произошедших кризисов»¹⁴. Качество антициклического регулирования, добавим, определяется также масштабами не допущенной в стране инфляции, которая вследствие достоверности предсказаний ее вероятных темпов оказалась не просто перенесенной в будущее, отложенной, а именно искорененной в самих глубинах ее многочисленных причин.

¹⁴ Григорьев Л., Иващенко А. Теория цикла под ударом кризиса // Вопросы экономики. – 2010. – №10. – С. 38.

Сглаживание циклических колебаний экономики достигается с помощью регулярного чередования политики экспансии, проводимой в условиях нисходящей и низкой конъюнктуры, и политики рестрикции, используемой государством в период восходящей и высокой конъюнктуры (рис. 4.1).

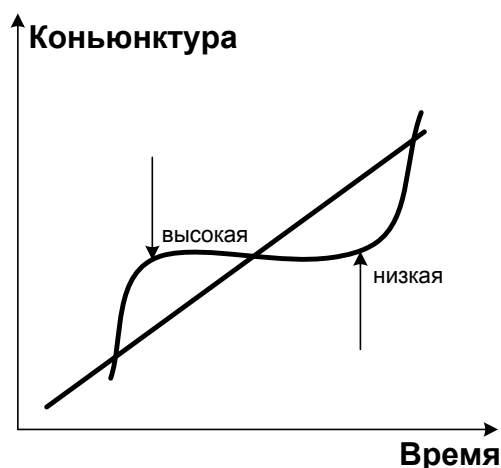

Рис. 4.1. Сглаживание циклических колебаний экономики

При достижении целей антициклического регулирования государство использует инструменты фискальной (бюджетно-налоговой) и монетарной (денежно-кредитной) политики. Накопленный к настоящему времени мировой опыт доказывает, что в стадии рецессии несравненно большей эффективностью регулирования обладает бюджетно-налоговая политика (и правительство как ее ведущий субъект), а при подъеме роль первой скрипки закономерно переходит к политике денежно-кредитной (и Центральному банку как органу, реализующему ее цели). Правда, решающую роль Центральный банк играет лишь в случае превалирования монетарных факторов в структуре инфляционного процесса. Но если в структуре ценоповышательного процесса – как это проявляется в современной России – превалирующими являются немонетарные факторы инфляции предложения, то денежно-кредитная политика становится малорезультативной, и в центр антиинфляционного регулирования закономерно выдвигается Федеральная антимонопольная служба. Немаловажную роль при этом играет и фискальные органы, однако направленность их налоговых действий должна быть не рестриктивной, а, напротив, экспансионистской.

Рассмотрим инструменты, которые применяются в фазах спада и депрессии.

1. Сокращение налогов (или отдаление во времени момента их уплаты), которое приводит к наращиванию склонности к потреблению, стимулированию потребительского и инвестиционного спроса домохозяйств и компаний.

В настоящее время в мире реализуется сотни программ так называемых налоговых расходов бюджета, обычно расширяющихся в условиях экономического спада (глобальный кризис 2008–2009 гг. не явился исключением) и с трудом сокращающихся при наступлении подъема. При этом важнейшими инструментами стимулирования депрессивной национальной экономики в рамках экспансионистского варианта осуществления дискреционной фискальной политики являются следующие налоговые льготы:

а) Налоговые изъятия и скидки, которые предполагают полное или частичное освобождение от налогообложения (как прямого, так и косвенного) тех предприятий, которые участвуют в реализации целей государства и функционируют в приоритетных сферах деятельности. Например, в Великобритании льготы в свое время получили компании, осваивающие нефтяные месторождения в Северном море, во Франции – предприятия аэрокосмического комплекса. Преференции в виде беспошлинного импорта на безвозвратной основе предоставляются компаниям, которые завозят в страну высокопроизводительное оборудование и способствуют тем самым обновлению основного капитала как условие выхода страны из экономического кризиса. Если же правительство желает стимулировать экспорт, что крайне важно, например, в условиях кризисного перепроизводства, то оно, учитывая опыт Германии и Японии, предоставляет налоговые скидки на доход предприятий, выходящих со своей продукцией на мировой рынок. Недавно в КНР налоговые льготы получили экспортеры высокотехнологичной продукции. В современной Франции акционерные общества в течение первых двух лет своей деятельности полностью освобождаются от уплаты налога на прибыль, на третий год налогом облагается только четверть их чистого дохода, и лишь с шестого года вся прибыль компании включается в сферу подоходного налогообложения. Стремление к форсированному развитию малого бизнеса (и преодолению тем самым вынужденной безработицы) может выразиться в объявлении для его начинающих представителей «налоговых каникул» на определенный срок, скажем, до момента смены фазы оживления фазой подъема. Обычно продолжительность подобных «каникул» составляет

3–5 лет¹⁵. Однако, всемерно стимулируя приток средств иностранных инвесторов, правительство Ирландии предоставляет им эти налоговые льготы на срок до 11 лет, Италии и Саудовской Аравии – 10 лет, Узбекистана – до 7 лет. «Налоговые каникулы» могут стать фактически и бессрочными, если речь идет о принципиальном отказе властей от обложения капиталов, вложенных в производство и остающихся в нем.

б) Налоговые кредиты, означающие предоставление на возвратной основе отсрочки налоговых платежей под определенные цели. Использование налогового кредита тождественно направлению части средств налогоплательщиков через государственный бюджет на инвестирование частного сектора экономики. Наибольшее распространение в мировой практике получил инвестиционный налоговый кредит. Его основная разновидность – регулярный налоговый кредит, т. е. вычет из налоговых обязательств корпораций, осуществляющих инвестиции в новое оборудование, в процентном отношении к сумме данных вложений. Размер подобных вычетов зависит от степени приоритетности той или иной отрасли, срока службы оборудования, размера вложенных инвестиций. Наиболее существенное влияние такой кредит оказал на производство компьютеров, в котором благодаря этой льготе возросла инвестиционная активность. В хозяйственной практике получили распространение также налоговый кредит на реставрацию исторических ценностей; энергетический налоговый кредит, который поощряет сокращение потребления электроэнергии или изменение типа используемых энергетических источников (солнечных, земных, океанских и др.); налоговый кредит предпринимателям, принимающим на работу молодежь, ветеранов войн, инвалидов, лиц после заключения и т. п. Во времена президентства Б. Клинтона в США был резко расширен (до 3 тыс. долл. в год) налоговый кредит работающим малоимущим, что позволило улучшить материальное положение примерно 15 млн семей. В странах ЕС налоговый кредит используется, в частности, в качестве инструмента региональной политики. Например, во Франции он сглаживает относительную социально-экономическую отсталость северных регионов страны, а в Италии – южных. Легко заметить, что при существующих ныне процентных ставках по кредитам отсрочка уплаты

¹⁵ Так, в Сингапуре с 1 января 2005 г. введено трехлетнее освобождение от налога первых 100 тыс. дол. прибыли вновь образованных компаний (Титов А. А. Налогообложение прибыли в свете мировой практики // *Налоги.* – 2006. – №1. – С. 68).

налога на 7–10 лет для предприятия фактически тождественна его полному освобождению от налогов.

в) Политика ускоренной амортизации, которая впервые была введена в 1942 г. в США. Ее антикризисный эффект состоит в следующем: в фазе экономического спада государство в законодательном порядке увеличивает нормы списания основного капитала в размерах, значительно превышающих его действительный износ. Как следствие, возрастает спрос на современное оборудование, расширяется емкость рынка продукции машиностроения, происходит развитие всех связанных с ним отраслей экономики. Политика ускоренной амортизации относится к числу мощных инструментов стимулирования инвестиционной активности и наращивания занятости населения в наиболее приоритетных отраслях национальной экономики в условиях нисходящей и низкой экономической конъюнктуры. Используя ускоренное амортизационное списание основного капитала в качестве средства антикризисного регулирования воспроизводства, правительство фактически законодательно разрешает компаниям укрывать в не облагаемых налогами амортизационных фондах значительную долю получаемой ими прибыли, отказываясь в ходе такого искусственного перераспределения средств от столь нужных ему в данный период налоговых поступлений в государственный бюджет. На такие масштабные бюджетные потери сознательно шло, например, правительство ФРГ в начале 1970-х гг., позволяя предприятиям целого ряда отраслей промышленности списывать в год до 20–30% стоимости основного капитала. А в США государство с начала 2003 г. разрешило сразу же после приобретения компьютеров и другого электронного оборудования перечислять в амортизационные фонды 30% его стоимости.

Осуществление политики ускоренной амортизации сопряжено с немалыми социально-экономическими издержками. Повышая нормы списания основного капитала, государство тем самым взвинчивает издержки производства соответствующих товаров и услуг, а значит, и их цены. Определенные инфляционные последствия имеет и сокращение налогооблагаемой базы в связи с исключением из нее той части прибыли предприятий, которая искусственно перемещается в амортизационные фонды. Возрастающий вследствие этого циклический бюджетный дефицит может стать дополнительным фактором роста общего уровня цен. Таким образом, амортизационная политика государства изменяет структуру совокупного спроса и структуру ВВП: при повышении инвестиционного

спроса фирм происходит некоторое сжатие потребительского спроса домохозяйств на подорожавшую продукцию. И еще неизвестно, каким окажется суммарное влияние ускоренной амортизации на совокупный спрос. Однако следует учитывать, что речь в данном случае идет об экономике, находящейся в ситуации экономического спада, а значит достигающей равновесия на кейнсианском отрезке кривой совокупного предложения, на котором угрозой инфляционного всплеска цен можно в значительной мере пренебречь. Эта угроза может внезапно стать реальной в случае, если политика ускоренной амортизации перестанет быть временным явлением и будет пролонгирована в условиях восходящей экономической конъюнктуры. Чтобы не допустить столь негативных последствий, государство по истечении некоторого (установленного законом и связанного с продолжительностью делового цикла) периода посредством уменьшения норм амортизационного списания переводит накопленные предприятиями средства из категории «издержки производства» в категорию «доход» с уплатой налогов в полном объеме. Следует отметить, что переход в последние десятилетия к преимущественно нейтралистской концепции налогообложения сопровождался гораздо более сдержанным использованием ускоренной амортизации как разновидности налоговой льготы. Основной акцент при применении данного регулятора воспроизводства сделан на обеспечение с его помощью экологически безопасного экономического роста: задействование энергосберегающих, безотходных технологий, защиту населения от чрезмерного шума и т. п. Например, в современной Норвегии нормы амортизации автотранспорта составляют 25%, судов – 20%, самолетов – 12%. В России амортизация с 2001 г. стала начисляться не с реальной стоимости основных фондов, а с их явно заниженной остаточной стоимости, что повлекло за собой серьезное сокращение совокупной величины амортизационных отчислений и их доли в издержках предприятий. Например, в металлургии эта доля снизилась с 14% в 1990 г. до 2% в 2004 г., что, конечно, не позволяет рассматривать амортизационные фонды в качестве ведущего источника валовых инвестиций в данную отрасль.

Подчеркнем, что разнообразные льготы государство предоставляет лишь тем налогоплательщикам, которые обеспечивают реализацию определенных общенациональных целей, предоставляют властям любую финансово-экономическую информацию о состоянии дел и детальные антикризисные планы. При этом применение налоговых преференций во избежание фактов кор-

рупции заведомо не должно носить субъективно-избирательного характера. Обычно оно опирается на действие федеральных законов, которые жестко ограничивают возможности федеральных и местных органов власти произвольно манипулировать теми или иными налоговыми инструментами. Отсутствие подобной регламентации в нашей стране приводило (особенно в 1990-е гг.) к тому, что мотивация хозяйственных руководителей зачастую была ориентирована вовсе не на рост эффективности производства, а на построение «режима наибольшего благоприятствования» с органами власти, которые, будучи нередко коррумпированными, попросту торговали своими возможностями вывода немалой доли доходов и имущества предприятий из-под налогообложения. Более того, получив налоговые преференции, предприятия-льготники начинали затем оказывать платные услуги по сокращению налогового бремени своим клиентам, заключая с ними разнообразные реальные и фиктивные сделки. В последние десятилетия в мировой практике возобладал подход, в соответствии с которым эффективность налоговых льгот может быть достигнута лишь в случае максимальной их концентрации в точках экономического роста. В таком случае, поддерживаемые инструментом налоговых преференций, отрасли-локомотивы хозяйственного возрождения страны вытягивают за собой многозвенную цепь сопряженных производств и через наращивание налоговых поступлений с лихвой компенсируют первоначальные расходы бюджета на свою поддержку. Однако подобный концептуальный подход к льготированию в России по сей день далек от реализации.

2. Увеличение государственных расходов как инвестиционной, так и социальной направленности, порождающих мультипликативный эффект. Разумеется, речь идет не об абсолютном увеличении правительственных закупок (для чего в обстановке рецессии может просто не хватить средств государственного бюджета), а скорее лишь об относительном повышении их доли в структуре ВВП. В результате проведения указанных бюджетно-налоговых мероприятий в условиях неблагоприятной конъюнктуры происходит увеличение бюджетного дефицита: в жертву экономическому равновесию приносится равновесие бюджетное. Это, в свою очередь, неизбежно приводит либо к наращиванию государственного долга (при задействовании долгового способа финансирования дефицита бюджета), либо к ускорению инфляции (при использовании денежного способа). Тем не менее вызванное подобными экспансионистскими дейст-

виями стимулирование совокупного спроса, затем рост ВВП, а также занятости населения способны в дальнейшем заметно ослабить остроту не только экономических, но и финансовых проблем.

Основными вариантами бюджетной экспансии выступают государственные инвестиции, государственные закупки, государственные трансферты, погашение внутреннего государственного долга, т. е. комплекс правительственных мер по «провоцированию положительных тенденций», нацеленных на компенсацию сократившегося частного потребительского и инвестиционного спроса расширением спроса со стороны государства. Причем если государство расширяет свои расходы в строгом соответствии с масштабами увеличения налоговой нагрузки на экономику страны, то ВВП, по мнению кейнсианцев, заметно возрастет, поскольку прирост правительственных расходов прямо влияет на размер нарастающего национального продукта. Прирост же налоговых поступлений сокращает совокупные расходы, а значит, и объем ВВП, но лишь на величину его потребляемой (но не сберегаемой) части.

При обосновании конкретных вариантов бюджетной политики возникает также проблема сопоставления эффективности наращивания трансфертных расходов правительства и его расходов на государственные закупки (трансформационных расходов бюджета). С одной стороны, закупаая, скажем, некие товары конечного потребления, государство тем самым расширяет в стране спрос на продукцию целой группы сопряженных промежуточных производств. С другой стороны, получатели трансфертов характеризуются большей склонностью к потреблению по сравнению с производителями закупаемых правительством товаров. Какой из этих позитивных эффектов окажется более значимым и какая пропорция в расходовании бюджетных средств будет наилучшей в данный момент – все это в решающей степени зависит от фазы экономического цикла, от того, является ли приоритетной целью правительства накачивание потребительского спроса домохозяйств, либо же акцент смещается в сторону создания благ общественного характера. При этом в рамках каждого периода существуют некие оптимальные размеры государства, отклонение от которых в любую сторону не позволяет властям обеспечивать разумный компромисс между выгодами предоставления общественных благ и сопряженным с решением данной задачи бременем налогообложения. Такой выход за пределы оптимальных размеров бюджета ставит непреодолимые преграды экономическому росту страны.

Как видим, задействовав мощные налоговые рычаги и инструменты бюджетной политики, способные быстро изменяться в зависимости от перепадов конъюнктуры, финансовые власти существенно расширяют свои возможности проведения антикризисного регулирования национальной экономики. Так, в разгар экономического кризиса 2009 г. российское правительство широко использовало столь мощные рычаги фискального регулирования, как предоставление государственных гарантий и налоговых кредитов, выдача госзаказов, субсидирование процентных ставок, реструктуризация налоговой задолженности и др., бюджетные затраты на которые исчислялись триллионами рублей. Трудно переоценить вклад подобной политики в перелом тенденции в хозяйственном развитии нашего общества, уже в 2010 г. начавшем восстановительный рост.

3. Денежно-кредитная экспансия. Оживление конъюнктуры достигается путем притока в экономику дополнительной денежной массы. Подобные действия центрального банка, конечно же, таят в себе определенную угрозу ценовой стабильности, стимулируя инфляционный процесс. Однако поскольку национальное хозяйство в этот период находится на кейнсианском отрезке кривой совокупного предложения или в самом начале отрезка промежуточного, существенное расширение совокупного спроса, вызванное денежной накачкой экономики, в несравненно большей степени приводит к росту объема совокупного выпуска, нежели к повышению общего уровня цен. При этом в антикризисных целях используются следующие инструменты:

а) Регулирование учетной ставки. Учетная ставка (ставка рефинансирования) – величина процента за кредит, предоставляемый центральным банком коммерческим банкам. Учетно-процентная политика состоит в регулировании размеров процентной ставки, по которой кредитные учреждения могут заимствовать средства у центробанка. Назначая ту или иную учетную ставку, центральный банк тем самым задает нижнюю границу рыночной процентной ставки по кредитам коммерческих банков населению.

В условиях намечающегося экономического спада или депрессии учетная ставка сокращается, тем самым коммерческие банки поощряются государством к приобретению дополнительных кредитов, наращиванию денежного предложения в стране и, таким образом, стимулированию совокупных расходов. В начале XXI в. в США и Западной Европе на фоне заметного торможения экономического роста ставка рефинансирования изменялась несколько раз, достиг-

нуж рекордно низкого уровня, а в Японии в 2006 г. она и вовсе опустилась до отметки в 0,25%. Это было связано с необходимостью выведения японской экономики из стагнационно-дефляционной спирали, при которой стагнация влечет за собой снижение цен, а расчет на их неуклонное снижение побуждает население воздерживаться от покупок, что в свою очередь через сжатие совокупного спроса делает кризисное сокращение объема выпуска еще более вероятным. Действительно, в 2002 г. дефляция в Японии составила 0,9%, в 2003-м – 0,5%, в 2005-м – 1,6%. В подобной ситуации японский Центробанк развернул экспансионистскую политику и путем удешевления кредита сумел разместить на счетах коммерческих банков около 300 млрд долл. В России вплоть до 2008 г. наблюдалась во многом аналогичная тенденция, вследствие чего учетная ставка опустилась до относительно невысокого (сравнительно с темпами инфляции) номинального уровня около 10%. Это стимулировало экономический рост и одновременно сдерживало приток в страну иностранных финансовых инвестиций, которые были способны усугубить и без того непростую ситуацию на валютном рынке (связанную с избыточным укреплением реального курса рубля). В обстановке последовавшего затем глобального финансово-экономического кризиса ставки рефинансирования и в России, и за рубежом упали еще ниже (до минимальной отметки в 7,75%).

б) Регулирование норматива резервных требований. Обязательные резервы – это устанавливаемое в законодательном порядке процентное отношение величины минимальных резервов к показателям пассивных (депозиты) или активных (кредиты) операций коммерческих банков и других кредитных учреждений. Соответствующую данной норме денежную сумму коммерческий банк не имеет права давать займы и обязан держать на своем депозите в центральном банке. Если национальные банки ЕС платят сегодня своим коммерческим банкам некий процент на их средства, находящиеся на резервных счетах, то Банк России забирает их бесплатно, в немалой степени подрывая конкурентоспособность отечественных коммерческих банков по сравнению с иностранными, хотя и использует аккумулируемые в фонде обязательного резервирования ресурсы для проведения своих активных операций (например, для предоставления кредитов, приобретения государственных ценных бумаг), приносящих ему немалый доход. Эти активы коммерческих банков выступают немаловажным инструментом регулирования параметров денежной массы в стране. Так, в ус-

ловиях дефляции, когда необходимо увеличить количество денег в обращении, минимальная норма сокращается. При этом коммерческие банки размораживают часть своих средств и предоставляют их в кредит.

в) Регулирование операций на открытом рынке. Важнейшим инструментом денежно-кредитной политики являются интервенции центрального банка, получившие название операций на открытом рынке (преимущественно на рынке ценных бумаг). Политика открытого рынка выражается здесь в купле-продаже центральным банком долговых обязательств федерального правительства и местных органов власти в целях регулирования параметров денежной массы. Операции на открытом рынке наиболее широко практикуются в странах с емким рынком государственных облигаций. В условиях низкой конъюнктуры в этих странах возникает необходимость увеличения количества денег в обращении, Центральный банк активно скупает государственные облигации у коммерческих банков. Поскольку спрос на ценные бумаги в этом случае становится больше предложения, их рыночная цена растет, а доходность соответственно падает. Это сильно сокращает привлекательность хранения данных активов частными субъектами, и они стремятся продать их центральному банку. При этом деньги за приобретенные облигации немедленно поступают в обращение. Например, когда во второй половине 1980-х гг. в экономике США обозначился стремительный выход из депрессии, ФРС заметно продлила экономический рост массированными закупками государственных облигаций на рынке ценных бумаг. Результатом действий ФРС стало увеличение предложения денег, которое привело к уменьшению процентной ставки, к повышению курса акций, что в свою очередь стимулировало инвестиционную активность частных компаний.

г) Регулирование обменного курса национальной валюты. Аналогичные по замыслу операции проводятся Центральным банком и на валютном рынке посредством регулирования обменного курса национальной валюты, т. е. пропорций, в которых она обменивается на валюту других стран. Если интересы преодоления спада диктуют необходимость некоторого ослабления национальной валюты (для поощрения экспорта и торможения конкурирующего импорта), тогда Центробанк производит скупку иностранной валюты (в том числе и у отечественных экспортеров), выпуская взамен нее в обращение дополнительную порцию отечественной наличности. Именно подобную политику ЦБ РФ про-

водил в течение целого ряда лет – вплоть до наступления глобального финансово-экономического кризиса.

Реализуемая государством политика «дешевых» денег оказывает по меньшей мере тройное позитивное воздействие на экономику. Во-первых, увеличение денежной массы в обращении означает открытую инфляцию (в определенных, строго очерченных границах). У потребителей через некоторое время срабатывает рефлекс инфляционных ожиданий, они тратят свои сбережения и наращивают предельную склонность к потреблению. В результате совокупный спрос догоняет совокупное предложение, что, собственно, и требуется государству для преодоления кризиса перепроизводства. Во-вторых, происходит кратковременное снижение процентных ставок. Предприниматели, получая дешевый кредит, расширяют свой спрос на инвестиционные товары. В-третьих, в связи с уменьшением процентной ставки сбережения домохозяйств и компаний направляются не в банки, а на покупку растущих в цене акций, что ведет к росту деловой активности и уменьшению безработицы.

Во время затяжного и бурного подъема, когда назревает опасность резкого сокращения товарных запасов (а значит, расширения импорта и ухудшения торгового баланса), повышения заработной платы, издержек производства и общего уровня цен, правительство, наоборот, сознательно повышает налоги и параллельно сокращает государственные расходы. Безусловно, подобная фискальная рестрикция оказывается далеко не безболезненной, она заметно тормозит экономический рост, ее реализация сопровождается неминуемым расширением теневой экономики, утратой значительного количества рабочих мест и др. Однако, сдерживая дальнейшее нарастание совокупного спроса, инвестиций, производства и занятости, подобные действия государства в рамках его рестриктивной бюджетно-налоговой политики приводят к уменьшению дефицита бюджета, а в ряде случаев даже к его положительному сальдо. Возникающий в этих условиях бюджетный излишек власти направляют на погашение ранее накопленных внешних долгов или на формирование резервного фонда. В результате указанных стабилизирующих действий предотвращается чрезмерный инфляционный перегрев экономики, а значит, грядущий спад производства в стране становится менее заметным, да и сама проблема накопленного в депрессивный период государственного долга перестает быть столь острой. Например, в последние годы президентства Б. Клинтона, когда был ликвидирован

структурный бюджетный дефицит, в США за счет накопления профицитов федерального бюджета обозначился процесс активного погашения государственного долга, который, впрочем, довольно быстро был прерван Дж. Бушем-младшим.

Еще более значимой при восходящей и высокой конъюнктуре (особенно в случае инфляции спроса) является денежно-кредитная рестрикция. Если на гребне подъема ускоряются темпы инфляции, Центральный банк поднимает размер процента, как это сделал, например, Банк России, доведя в октябре 1993 г. ставку рефинансирования до рекордного уровня в 210%. В 1998 г. в предефолтный период вновь случился резкий скачок ставки: если в 1997 г. она находилась на отметке в 21%, то с 27 мая по 4 июня поднялась с 50% до 150%. Если сразу после террористической атаки на США, приведшей к торможению национальной экономики, монетарные власти этой страны в 2001–2004 гг. использовали политику дешевых денег, то начиная с июня 2004 г., вектор антициклической политики был развернут в сторону рестрикции, и в июне 2006 г. ставка рефинансирования достигла отметки в 5,25%.

Подобные действия монетарных властей обычно порождают следующие эффекты:

- некоторым банкам столь дорогой кредит становится недоступным, что тормозит нарастание денежной массы в обращении или даже приводит к ее абсолютному уменьшению;
- коммерческие банки, все же взявшие подорожавший кредит, вынуждены повышать эффективность своих активных операций по предоставлению ссуд, выборочно кредитовать только наиболее привлекательные проекты;
- коммерческие банки для компенсации своих потерь стремятся перекладывать возросшую стоимость кредита на плечи своих заемщиков, что неминуемо приводит к сокращению совокупных расходов.

В результате установления ставки рефинансирования на запретительном (заметно превышающем темпы инфляции) уровне волна удорожания денег и кредитного сжатия прокатывается по всей банковской системе, что оказывает тормозящее воздействие на темпы роста цен.

В условиях инфляции Центральный банк увеличивает также норму отчислений в фонд обязательного резервирования – тем самым ограничиваются возможности коммерческих банков предоставлять ссуды своим клиентам. Мо-

нетарные власти переходят, наоборот, к активной продаже государственных ценных бумаг на открытом рынке. Резкое расширение предложения правительственных облигаций ведет к снижению их рыночной цены, что тождественно повышению процентной ставки, доходности ценных бумаг, привлекающей их потенциальных покупателей. Население начинает активно скупать эти ценные бумаги, в результате чего денежная масса в обращении сокращается. Если в рамках антиинфляционного курса ставится задача удержать отечественную валюту от падения (девальвации) или нарастает угроза (при таргетировании обменного курса как режима монетарной политики) ее выхода за рамки установленного коридора, Центральный банк изымает из своих золотовалютных резервов определенную сумму и приобретает на нее в ходе валютной интервенции национальную валюту. Так, чтобы не допустить резкого падения рубля, Банк России только в октябре 2008 г. выделил на поддержание его обменного курса 72 млрд долл. из своих резервов.

Проводимая Центральным банком политика «дорогих» денег означает сжатие чрезмерно разросшейся денежной массы, влечет за собой повышение процентных ставок и, как результат, спад потребительской и инвестиционной активности в стране. Однако в монетарной (как, впрочем, и в любой другой) политике необходима осторожность. Если при реализации политики «дешевых» денег нарастает угроза инфляции, то при проведении политики «дорогих» денег усиливается опасность спада производства, занятости и реальных доходов населения, т. е. социальная цена за торможение инфляционных процессов может оказаться слишком высокой. Чем выше процентная ставка, тем ниже склонность к инвестированию (поскольку получаемая предпринимателями норма прибыли может оказаться меньше цены кредита), тем медленнее развивается народное хозяйство. Так, в 1981 г. нарастающая инфляция вынудила ФРС поднять учетную ставку до 21%, что нанесло серьезный урон сельскому хозяйству и станкостроению США. В результате доля импортируемых станков превышает там сегодня 60%, что серьезно ухудшает состояние торгового баланса. Финансовая дистрофия и масштабное деинвестирование несырьевого сектора российской экономики тоже явились прямым результатом ужасающего взлета ставки рефинансирования в 90-е гг. XX в. Повышение же Банком России данной ставки в предкризисные годы и, как результат, адекватное удорожание инвестиционных кредитов коммерческими банками подвигли многие отечествен-

ные компании к получению займов за границей, что вывело внешний частный долг нашей страны на новые рекордные высоты. Как видим, рестриктивные возможности Центрального банка явно не безграничны. Для того чтобы его борьба с инфляцией не приводила к подавлению экономического роста, правительству необходимо заранее предусмотреть способы компенсации подобных антипроизводственных эффектов, своевременно включить соответствующие фискальные амортизаторы – сократить ставки налога на капитализируемую часть прибыли, предоставить инвестиционные налоговые кредиты и т. п. Однако эти меры не в состоянии противодействовать неуклонному нарастанию государственной задолженности по мере взвинчивания плавающих процентных ставок, что особо опасно для развивающихся стран и стран с развивающимися рынками, и без того уже обремененных огромными внешними долгами.

Как видим, в монетарной политике крайне важна правильная дозировка непопулярных стабилизационных мер, просчет оптимальных параметров которой в практике социально-экономического прогнозирования с разбивкой во времени противодействует чрезмерно «жесткой посадке» национальной экономики. Но еще более разрушительные последствия порождает игнорирование сложившегося алгоритма чередования политики дорогих и дешевых денег. Так, искусственное подстегивание экономики США в начале XXI в. (когда учетная ставка ФРС последовательно опускалась с 6% в 2001 г. до 1% в 2008 г.), нарушив логику антициклического регулирования и спровоцировав перегрев национального хозяйства, привело затем к его стагнации, которая оказалась вдвое более продолжительной сравнительно с ожиданиями.

Сравнительный анализ бюджетных и денежных мультипликаторов показывает, что эффективность различных инструментов антициклической политики далеко не одинакова. Одни лучше приспособлены для регулирования уровня и динамики цен, другие рациональнее использовать при антикризисном регулировании экономики. В частности, в отношении темпа инфляции денежный мультипликатор больше бюджетного. Это означает, что монетарная политика оказывается потенциально более результативной в условиях инфляционного перегрева экономики, ее приближения к пику делового цикла, когда действия Центробанка по сдерживанию роста, а иногда и по сокращению денежной массы (для противодействия инфляции спроса) обычно результативнее по сравнению с мероприятиями по антиинфляционному урезанию государственных рас-

ходов. Но если главным приоритетом выступает обеспечение экономического роста страны, более действенным является бюджетный мультипликатор. Иначе говоря, в кризисный период наращивание государственных инвестиционных и социальных расходов вызывает больший позитивный эффект по сравнению с мерами центрального банка по расширению денежного предложения. При этом конечный результат антикризисной политики в немалой степени определяется самой комбинацией стабилизационных мероприятий властей. Так, эффективность использования фискальных инструментов обусловлена структурой правительственных расходов – являются ли они преимущественно трансформационными или трансфертными. Например, нацеленность российского антикризисного пакета более на помощь неэффективным предприятиям или банкам-банкротам в ущерб государственным закупкам, автономным инвестициям и поддержке покупательной способности малоимущих граждан предопределила существенно большую глубину падения ВВП в нашей стране по сравнению с другими крупными странами в обстановке глобальной рецессии.

При реализации монетарной политики рельефно проявляется некая циклическая асимметрия. В отношении политики «дорогих» денег следует признать ее достаточную результативность: гарантируя уменьшение денежного предложения в стране, она в значительной степени обеспечивает преодоление инфляции (во всяком случае, инфляции спроса, вызванной к жизни действием комплекса ее монетарных факторов). Зато политика «дешевых» денег сталкивается с проблемой, которую вполне можно выразить пословицей «Можно подвести коня к воде, но нельзя заставить его напиться». Коммерческие банки в результате понижения Центральным банком ставки рефинансирования получают реальную возможность выдавать больше дешевых кредитов и тем самым через наращивание предложения денег положительно воздействовать на инвестиционную активность компаний. Но приказать частным коммерческим банкам снижать рыночные процентные ставки и соответственно уменьшать размеры их потенциальной прибыли Центральный банк не может. Особо слабой связь между учетной ставкой Центрального банка и рыночными ставками коммерческих банков является в период перехода к рыночной экономике. Здесь повышается вероятность формирования банковских монополий, согласованно не допускающих удешевления кредитов в стране. И даже если Центральному банку удастся административными методами решить эту задачу, далеко не факт, что

компаниям, получившим такие кредиты, непременно вложат заемные средства в развитие своего производства (особенно в условиях экономического спада, когда инвестиционные риски заведомо высоки). Эти кредиты вполне могут быть направлены не на приобретение инвестиционных благ, а на погашение уже имеющейся задолженности банкам, налоговых обязательств перед бюджетом, на выплату задержанной зарплаты, наконец, просто произвольно растрачены менеджерами компаний. И домохозяйства, выгодно продавшие свои облигации, вовсе не обязаны сразу же направлять полученные денежные средства на рост своего потребительского спроса. Этому вполне может воспрепятствовать, например, накопленная ими задолженность по потребительскому кредиту. Процентные ставки не являются определяющим фактором при принятии хозяйственных решений в депрессивный период, поскольку удельный вес банковских кредитов в финансировании деятельности субъектов экономики в это время явно невысок. Таким образом, против глубокого кризиса политика денежно-кредитной экспансии мало что дает: способная лечить экономику во время неглубоких спадов, она часто оказывается бесполезной при массовой недогрузке производственных мощностей и высоком уровне безработицы. Подобный взгляд существенно расходится с позицией А. Кудрина, который пишет: «Как показывает исторический опыт проведения стимулирующей экономической политики в период кризисов, в большинстве случаев основную роль играли меры денежно-кредитной политики в силу их большей оперативности и сравнительно более высокой эффективности»¹⁶.

По мнению кейнсианцев, Великая депрессия доказала невозможность вернуться к процветанию при помощи монетарного регулирования: политика «дешевых» денег, проводимая в те годы ФРС, не привела к увеличению банковских ссуд и расходов частного сектора. Конечно, для экономики индустриально-развитых государств связь между процентными ставками и динамикой экономического роста явно немаловажна. Российская же экономика демонстрирует чрезвычайно слабую реакцию инвестиций (а значит и расширения национального хозяйства) на изменение процентной ставки: эластичность зависимости капиталовложений от цены заемного капитала на кредитном рынке составляет сегодня всего минус 0,03. Иначе говоря, для наращивания инвестиционной

¹⁶ Кудрин А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. – 2009. – №1. – С. 22.

активности на 1% требуется удешевление кредита более чем на 30% (например, с 20 до 14%). Столь слабая зависимость экономического роста от дешевизны кредита обусловлена прежде всего существенной оторванностью финансового сектора от потребностей сектора реального, неиспользованием многими предприятиями заемных средств на инвестиционные цели. А раз так, то для инвесторов малозначимо – дороже стал кредит, или заметно подешевел.

Поэтому в современных условиях посткризисного развития, когда безусловно главной задачей российского государства является обеспечение быстрого, устойчивого и высококачественного роста ВВП, бюджетно-налоговое регулирование отечественной экономики объективно выходит на центральное место в арсенале инструментов экономической политики. И присутствие в верхних эшелонах российской власти левых партий социал-демократической направленности, т. е. рыночно мыслящих государственников, опирающихся в своих рекомендациях на положения кейнсианской доктрины (в том числе о решающем вкладе фискальной политики в посткризисное восстановление национальной экономики), было бы несравненно более полезным, чем господство либералов различного толка, отстаивающих монетаристские ценности и выдвигающих Центральный банк на роль решающего субъекта экономической политики.

Контрольные вопросы

1. В чем состоит суть политики краткосрочной стабилизации? Каковы ее основные инструменты?
2. Как реализуются бюджетно-налоговыми средствами политика экспансии и политика сдерживания?
3. Каковы плюсы и минусы фискальной экспансии и фискальной рестрикции?
4. Охарактеризуйте механизм предоставления налоговых льгот как инструмента фискальной экспансии. Как противодействовать их коррупционной направленности?
5. Каковы назначение, основные виды налогового кредита и условия их предоставления государством?
6. Охарактеризуйте механизм осуществления политики ускоренной амортизации. Каковы достоинства и недостатки данной разновидности стимулирующей фискальной политики?

7. Каковы известные вам варианты бюджетной экспансии? Следует ли драматизировать факт нарастания бюджетного дефицита, государственного долга и темпов инфляции при их использовании?
8. Каковы роль и цели кредитно-денежной политики при осуществлении стабилизационных мер?
9. Как и когда государством используется политика «дешевых» и политика «дорогих» денег?
10. Каковы плюсы и минусы денежно-кредитной экспансии и денежно-кредитной рестрикции?
11. Как действует механизм реализации учетно-процентной политики Центрального банка на различных фазах делового цикла?
12. Какие позитивные результаты может дать изменение учетной ставки на различных фазах делового цикла?
13. Какие негативные последствия может повлечь за собой повышение учетной ставки, и каковы способы их нейтрализации?
14. Как действует механизм использования нормы обязательных резервов как инструмента стабилизационной денежно-кредитной политики?
15. Как действует операции на открытом рынке как инструмент денежно-кредитной политики на фазе кризиса и подъема?
16. Как действует валютная интервенция в качестве инструмента антициклической монетарной политики?
17. Какая политика – денежно-кредитная или бюджетно-налоговая – оказывается более результативной на фазах экономического кризиса и подъема?
18. Какие обстоятельства ставят под сомнение антикризисный потенциал политики «дешевых денег»? Какие практические выводы можно вывести из данного теоретического положения для российского государства?

Глава 5. Модели антициклического регулирования экономики

Антициклическое регулирование экономики имеет долгую, противоречивую историю со своими успехами и разочарованиями: далеко не сразу государство сумело надеть узду на «дикий» экономический цикл, объездить этого мустанга. В 30-е гг. XX в. над его проектированием работали Дж. Кейнс и независимо от него стокгольмская школа, отстаивавшие тезис о невозможности самоисцеления рыночной экономики от циклических кризисов. В качестве цели антициклического регулирования рассматривалось недопущение существенного отрыва совокупного спроса от совокупного предложения. При этом считалось, что предложение приблизить к спросу гораздо сложнее, поскольку оно обеспечивается преимущественно частным сектором. Однако позже в политике тонкой настройки стало использоваться и воздействие на совокупное предложение.

Все современные концепции антициклического регулирования тяготеют к одному из двух ведущих направлений:

- 1) кейнсианскому, опирающемуся на взгляды Дж. Кейнса;
- 2) неоконсервативному, развивающемуся на базе классической школы.

Первое направление ориентируется на регулирование совокупного спроса и ставит целью воздействие на народное хозяйство в целом (макроэкономический подход). Второе – на регулирование совокупного предложения и создание стимулов деятельности отдельных компаний (микроэкономический подход).

Различные модели бюджетно-налоговой политики характеризуются прежде всего уровнем присущей им налоговой нагрузки, а также размером расходов государства на реализацию его социально-экономических функций. Такое варьирование доли ВВП, перераспределяемой через бюджет, в решающей степени предопределяется доминированием тех или иных теоретических концепций в проводимой государством экономической политике. Альтернативными разновидностями фискального регулирования, острое противоборство которых сопровождает движение современных финансовых систем к состоянию оптимума, являются модели кейнсианская и неоклассическая. Ориентированная на совокупный спрос кейнсианская модель фискальной политики предполагает

сильное вмешательство властей в социально-экономическую жизнь. Причем коль скоро становление этой модели изначально протекало в обстановке Великой депрессии, то четкий акцент в ней делается на восполнение государством острого дефицита частного спроса его дополнительными инвестиционными и социальными расходами. Хотя в фазе подъема приветствуется наращивание налоговой нагрузки (для противодействия инфляции спроса), однако ведущая роль в кейнсианской теоретической конструкции отводится налоговым мерам стимулирующего характера, принимаемым в интересах ускоренного роста приоритетных отраслей и производств, а также достижения полной занятости трудоспособного населения. Если же подобная бюджетно-налоговая экспансия сопровождается серьезным подрывом бюджетного равновесия, то периодически возникающий бюджетный дефицит, носящий заведомо не структурный, а циклический характер, рассматривается не только как закономерный результат сознательно сформированной фискальной политики, но и в качестве мощного рычага последующего восстановительного роста национальной экономики. Излишне не драматизируя появление дефицита государственного бюджета в финансовой системе страны, конъюнктура в которой не отличается высотой, кейнсианцы с еще большей настойчивостью отвергают целесообразность формирования в ней в этот непростой период каких бы то ни было финансовых резервов. Искусственно отрываемые от насущных потребностей национального хозяйства, подобные резервные фонды, по их мнению, серьезно отдалают во времени и тормозят восстановительный рост, а потому нуждаются в скорейшем направлении на всестороннюю диверсификацию отечественной экономики.

Кейнсианская теория вовсе не является исключением в плане констатации факта негативного влияния завышенных налоговых ставок на инвестиции, легальный ВВП, занятость и доходы населения. Вместе с тем она допускает возможность сознательного формирования такого алгоритма налогообложения в стране, при котором народнохозяйственная польза от мультипликативного расширения автономных расходов финансовых властей многократно превосходит вред от изъятия немалой части доходов налогоплательщиков. Поэтому укрепление подобной модели фискальной политики сопровождалось постепенным нарастанием налоговой нагрузки на экономику. Так, в Швеции как типичном представителе данной модели стандартная ставка НДС составляет 25%, хотя она может достигать и до 30–33% – в случае, если фирма допускает избыточ-

ную энергоемкость своего производства либо выпускает продукцию с отрицательными внешними эффектами. Однако наибольшую значимость в структуре налоговой системы имеют прямые налоги. Нормативная ставка налога на прибыль длительное время превышала здесь 50%. В интересах достижения большей социальной справедливости как одной из наиболее приоритетных для шведской модели макроэкономических целей традиционно действовало прогрессивное налогообложение физических лиц. Чрезмерная прогрессия в налоговых ставках, используемая как средство решения социальных задач, рано или поздно должна была привести к нарастанию негативных тенденций в экономической системе. Так, во второй половине 1980-х гг. темпы инфляции здесь оказались на 2% в год выше, чем в странах-конкурентах, что было весьма болезненно для открытой шведской экономики. Логическим следствием высоких ставок налогов стали рост затрат на заработную плату, утечка капиталов за границу. Большие налоги подталкивали также и к сокрытию доходов – по оценкам американских экспертов, в Швеции не декларировалось от 12 до 25% доходов. Поэтому с 1991 г. приоритетным направлением фискальной политики шведского правительства стало сокращение налоговых ставок (при расширении базы налогообложения) в духе неоклассических подходов, хотя и по сей день эти ставки здесь выше, чем во многих других странах.

Неоклассическая модель фискальной политики основана на осознании политической элитой развитых стран факта наличия у современной экономической системы неких верхних пределов управляемости, что диктует необходимость решительной переориентации механизма регулирования смешанной экономики на рыночную конкуренцию с ее самоорганизующим потенциалом. При этом неоклассики переносят акцент с регулирования совокупного спроса на всемерное стимулирование совокупного предложения (преимущественно путем сокращения налогов, стимулирующего инвестиции и поощряющего трудовую и предпринимательскую активность населения), привлечение в страну дополнительных капиталов и рабочей силы и обеспечение на этой основе ускоренного роста ВВП и занятости. Если сторонники кейнсианской концепции, опираясь на теорию мультипликатора-акселератора, доказывают способность властей посредством правительственных закупок, инвестиций, трансфертов и иных регуляторов дискреционного типа дать в кризисный период толчок к использованию незанятых ресурсов, то неоклассики, базируясь на тезисе о невозможности

наращивания частных инвестиций в обстановке бюджетного дефицита и сопровождающей его инфляции, считают централизованные расходы безусловно тормозящим экономический рост деструктивным фактором. Мало того, что выделяемые из государственного бюджета средства зачастую используются крайне неэффективно, будучи подверженными расхищению со стороны многочисленных отраслевых и региональных группировок, которые используют разнообразные коррупционные механизмы для получения доступа к общенациональным финансовым ресурсам. Даже в случае искоренения подобных проявлений фиаско государства негативное воздействие чрезмерных государственных расходов на развитие национальной экономики устранить едва ли удастся, так как они неминуемо приводят к бюджетному дефициту. Этот тип бюджетного неравновесия, в свою очередь, либо повлечет за собой наращивание внешнего долга государства (погашение которого уже в обозримом будущем затормозит восходящую динамику ВВП), либо уже сегодня спровоцирует инвестиционный кризис в частном секторе через размещение государственных облигаций на внутреннем рынке. Не случайно рекомендации неоклассиков субъектам бюджетно-налогового регулирования заключаются в решительном сокращении государственного вмешательства путем замораживания инвестиционных и социальных расходов властей. Исходя из либеральной трактовки, чем меньше ресурсов поглощает государство, тем большая их доля окажется в частном секторе, и это главное условие роста экономической эффективности в стране. Опирающиеся на данную теоретическую установку неоклассические расчеты показывают, что если расходы государства превышают некий «нормальный» уровень на 10%, то неизбежно замедление экономического роста страны на 1%, с соответствующими негативными социально-экономическими последствиями такого отставания.

Подчеркивая недопустимость появления в финансовой системе страны заметного бюджетного дефицита, неоклассики с гораздо большей симпатией относятся к противоположному типу бюджетного неравновесия – профициту государственного бюджета. Отстаивая безусловную целесообразность его появления в сфере общегосударственных финансов даже в обстановке неполной занятости и кризисных потрясений национальной экономики, они склонны к использованию этого бюджетного излишка вовсе не на централизованные инвестиции в реальный сектор, а либо на досрочное погашение внешней задолжен-

ности государства, либо на формирование стратегического резерва финансовых ресурсов (в антиинфляционных целях и на случай внезапного ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры), либо, наконец, на сокращение налоговых ставок. В последнем случае налоговая реформа, нацеленная на снижение налогового пресса прежде всего высокодоходных слоев населения, расценивается не только как мощный рычаг ускоренного роста ВВП, но и в качестве радикального способа восстановления пошатнувшегося равновесия в бюджетной сфере.

Типичным представителем данной модели фискальной политики можно считать США. Ситуация в налоговой сфере этой страны до налоговой реформы 1980-х гг. была во многом похожа на шведскую. Налоговая система не способствовала наращиванию сбережений и инвестиций, а также заинтересованности в высокопроизводительном труде. В 1981 г. из каждого рабочего дня на выплаты государству уходило 2 часа 45 минут, тогда как в 1929 г. – менее часа. Это привело к массовому недовольству населения проводимой политикой и нарастающему стремлению уклониться от налогов. Несогласие с реализуемой налоговой доктриной подтолкнуло ряд штатов к принятию законов, ограничивающих право правительства увеличивать налоги. Целое политическое движение выступало за внесение поправок в Конституцию США, призванных ограничить налоговую нагрузку, и за обеспечение сбалансированного бюджета. Все это косвенно свидетельствовало о достижении в США (как, впрочем, и в большинстве других экономически развитых стран) некоего предельно допустимого, максимального уровня перераспределения ВВП через бюджетную систему. В таких условиях дальнейшее наращивание доходов бюджета (хотя бы пропорционально росту национального продукта) становилось возможным лишь при условии кардинальных перемен в структуре налоговых изъятий, нацеленных на восстановление пошатнувшегося баланса экономической эффективности и социальной справедливости. В 1980-е гг. правительство США заменило кейнсианскую концепцию «вводи налоги и расходуй средства» на неоклассическую концепцию «снижай налоги, занимай деньги и расходуй средства». Однако реализация последней не привела к сокращению избыточной поляризации общества. Ярko выраженная несправедливость рассматриваемой модели проявляется, в частности, в том, что 10% наиболее обеспеченного населения США располагают 73% суммарного национального богатства, в то время как остальные 90% – лишь 27%.

Как видим, при сглаживании цикла неокейнсианцы наибольшее внимание уделяют бюджетно-налоговой политике. Неоконсерваторы тоже признают важную роль налогов, особо подчеркивая полезность их снижения, которое порождает рост деловой активности. Правда, при этом М. Фридмен рекомендует сокращать налоговую нагрузку на экономику лишь после прохождения кризисом своей низшей точки, когда на рынке останутся только наиболее эффективные предприятия, а все остальные окажутся банкротами. Но в целом бюджетно-налоговую политику он рассматривает как дополнение к гораздо более результативной, по его мнению, политике денежно-кредитной. Впрочем, экспансионистскую политику «дешевых» денег в целом поддерживают и кейнсианцы (при традиционной критике ими рестриктивной политики «дорогих» денег, вызывающей безработицу), поскольку финансирование рекомендуемого ими в период экономического спада бюджетного дефицита, требует направления дополнительных денег в обращение.

Антикризисное регулирование экономики США в 1933–1940 гг. было построено победившей на президентских выборах 1932 г. Демократической партией во главе с Ф. Рузвельтом фактически уже по кейнсианским рецептам. Преодоление этого наиболее глубокого для рыночной экономики кризиса было достигнуто, в частности, за счет следующего пакета мер:

- принятия законов о страховании по безработице, социальном обеспечении, которые были направлены на восстановление и дальнейшее стимулирование потребительского спроса домохозяйств;
- создания новых рабочих мест путем организации общественных работ и запуска соответствующего мультипликативного эффекта; возникавшую при этом угрозу чрезмерного бюджетного дефицита предполагалось нейтрализовать посредством повышения некоторых налогов (всерьез обсуждался даже вопрос о временном введении 100%-го налога на особо крупные наследства), кроме того, поступления в госбюджет акцизов резко возросли за счет отмены запрета на торговлю спиртными напитками («сухого закона»), что позволило впервые за всю историю американского государства сформировать социальный бюджет на федеральном уровне финансовой системы;
- законодательного введения федеральной системы страхования банковских депозитов, стимулирующего приток сбережений населения в кредитную систе-

му страны, и наращивания тем самым инвестиционного спроса компаний, функционирующих в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве;

- разработки и реализации федеральной программы поддержания цен на сельскохозяйственную продукцию, которая препятствовала банкротству фермерских хозяйств: регулирование с целью противодействия дефляции осуществлялось путем законодательного установления уровня, ниже которого цены не могли опускаться, при появлении угрозы падения цен сразу же наращивался и государственный спрос на сельскохозяйственную продукцию в сочетании с предписываемым и субсидируемым государством сокращением производства продовольственных товаров;
- разумной девальвации доллара, которая облегчила бремя накопленных многими домохозяйствами и компаниями долгов, позволила последним всемерно наращивать экспорт своей продукции и одновременно уберечься от конкурирующего импорта;
- резкого увеличения ввозных таможенных пошлин (так, на спиртные напитки они повысились с 50 до 60%, на сельхозпродукцию – с 20 до 34%). Хотя стремительное сжатие импорта привело к банкротству некоторых производств (так, в швейной промышленности, работавшей на ввозимом сырье, наблюдался всплеск безработицы) и к ответным защитным мерам со стороны других государств, однако подобная протекционистская политика явилась мощным фактором развития внутреннего рынка;
- содействия образованию монополий, означающего во многих случаях принудительное картелирование (известно, что в условиях кризисного падения цен лишь крупные предприятия сохраняют возможность получения прибыли путем сокращения издержек производства).

Одной из первых стран, где на практике были использованы инструменты политики краткосрочной стабилизации, была также Швеция, поэтому шведские экономисты и политики могут быть по праву отнесены к соавторам кейнсианской (как она стала называться несколько позднее) модели антициклического регулирования экономики. Еще в начале 1930-х гг. в противовес господствовавшему тогда мнению классиков, которые требовали от правительства безусловного достижения бюджетного равновесия даже в условиях низкой конъюнктуры, шведский экономист Б. Улин обосновал необходимость наращивания государственных инвестиций и организации общественных работ как средств

борьбы с безработицей. Министр финансов Э. Вигфорс доказывал, что они являются способом повышения покупательной способности и снижения масштабов кризиса. Именно на этих методологических принципах был построен шведский бюджет 1933 г., ставший важнейшим инструментом выведения национальной экономики из рецессии.

Политику краткосрочной стабилизации – причем в основном экспансионистского типа и ориентированную на кейнсианские рецепты – интенсивно применяли многие правительства и в 1950–1960 гг. Последовавшая в 1970–1980-х гг. смена этой модели на модель неоклассического типа во многом была обусловлена стагфляцией, которая проявилась в сочетании повышения общего уровня цен и снижения объема национального производства и занятости. Одной из ведущих причин ускорения инфляции явилась при этом расшатанная многолетней фискальной экспансией финансовая система многих стран, в то время как немаловажным фактором торможения экономического роста (и регулярного перехода его в циклический спад) стало сопряженное с подобной политикой действие эффекта вытеснения частных инвестиций. Вполне закономерно, что в коридорах власти большинства стран заметно расширилось присутствие неоконсерваторов, которые перенесли акцент в антициклическом регулировании с бюджетно-налоговых на денежно-кредитные инструменты. В сфере фискального регулирования экономической конъюнктуры они считали необходимым резкое сокращение государственных расходов. По мнению монетаристов, бюджет уже не мог более рассматриваться в качестве ведущего регулирующего инструмента по причине хронически присущей ему несбалансированности. В этих условиях инфляционные методы антициклического регулирования (денежная экспансия и наращивание бюджетных расходов) уступили место стимулирующей налоговой политике. Основной расчет делался на устойчивое сокращение налогообложения прибыли, расходуемой предпринимателями в целях накопления и ускоряющей наращивание предложения ими товаров и услуг. Выступая против модели государства благосостояния, неоконсерваторы доказывали губительное воздействие высоких налогов на экономическое развитие страны.

Но если в 1950–1960 гг. уменьшение ставок налогов кейнсианцы считали способом расширения совокупного спроса, то в 1980-е гг. формально те же меры (в сочетании с решительным сокращением степени прогрессивности нало-

говой шкалы) неоконсерваторы рассматривали как метод увеличения совокупного предложения.

Объектом рестриктивной экономической политики государства являлась до последнего времени, например, экономика Китая, правительство и Центробанк которого с начала XXI в. пытались затормозить динамику ВВП в надежде не допустить дальнейшего инфляционного перегрева национального хозяйства и глубокого спада в перспективе. Сегодня – в обстановке не преодоленного еще глобального кризиса – приходится лишь удивляться прозорливости китайских властей, которые по сути предсказали факт его наступления и не допустили ухода национальной экономики в рецессию, типичную для подавляющего большинства других стран.

При этом выбор общества между неоклассической и кейнсианской моделями антициклического регулирования экономики в решающей степени определяется социально-экономической ситуацией, сложившейся в стране, фазой переживаемого ею воспроизводственного цикла (с особым акцентом на кондратьевские «длинные волны»). Так, если ключевой проблемой (как в годы Великой депрессии) признается спад производства, и кривая совокупного спроса пересекает кривую совокупного предложения на кейнсианском отрезке (являющемся, полагим, почти горизонтальным), то потребность в приближении объема ВВП к уровню полной занятости и преодоления вынужденной безработицы, а также усиливающееся социальное напряжение в обществе закономерно выталкивают на вершину власти партии левой ориентации, которые для решения своих задач используют преимущественно кейнсианскую модель. Решительно отвергая приоритетность достижения бюджетного равновесия как макроэкономической цели, не видя серьезных оснований против расширения лимита государственных заимствований на внутреннем и, особенно, на внешнем финансовых рынках, и не принимая в расчет опасность временного ускорения инфляции спроса, фискальные и монетарные власти активно включаются в процесс антикризисного регулирования национальной экономики, всемерно поощряя потребительскую и, напротив, решительно дестимулируя сберегательную активность всех экономических субъектов. При этом в случае нахождения комбинации инструментов бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, близкой к оптимуму, могут оказаться успешно разрешенными не только проблема неполной занятости трудоспособного населения, но и инфляционная

проблема, коль скоро ее острота неминуемо спадает по мере нарастания объема производимых в стране товаров и услуг. Ярким подтверждением подобной закономерности явились в 2008 г. победа на выборах демократической партии и выборы президентом Б. Обамы в США, экономика которых запустила кризисную волну по всей планете. Этот американский президент отстаивает тезис о возможности достижения эффективного экономического роста и социального согласия в американском обществе путем не спонтанного, а регулируемого развития.

Если же пересечение кривых совокупного спроса и совокупного предложения достигается на классическом, почти вертикальном отрезке, и наибольшие опасения в обществе вызывают рост общего уровня цен (такое в недавнем прошлом наблюдалось в США, переживших почти 20-летнюю эпоху инфляции) и девальвация национальной валюты, то к власти приходят политики неоконсервативного плана типа Дж. Буша-старшего или младшего, которые формируют модель антициклического регулирования национальной экономики, почерпнутую из арсенала неоклассической школы. Общественная потребность в реализации подходов неоклассиков, проявляющаяся в условиях инфляционного перегрева экономики, выражается в жестком ограничении денежного предложения, недопущении дефицита государственного бюджета и даже в сознательном приведении его к профицитному состоянию – причем не столько утяжелением налогового пресса на национальную экономику, сколько настойчивым сокращением правительственных расходов. Подобные действия монетарных и фискальных властей, всемерно стимулируя валовые национальные сбережения, конечно же, не могут не сказаться негативно на динамике ВВП в краткосрочном периоде. Однако, нейтрализуя угрозу галопирующей инфляции и спасая от обесценения накопления домохозяйств и фирм, они устраняют препятствия для ускорения темпов экономического роста в долгосрочной перспективе, поскольку гарантируют трансформацию сбережений в частные инвестиции и через сжатие социальных программ расширяют предложение рабочей силы с адекватным сокращением масштабов институциональной безработицы.

Таким образом, цикличность как объективная закономерность социально-экономического развития в решающей степени предопределяет соотношение сил между ведущими направлениями экономической мысли, формируя контуры того или иного варианта синтеза альтернативных теоретических доктрин. Поэтому далеко не случайно в условиях развернувшегося в 2007–2009 гг. гло-

бального финансово-экономического кризиса многие теоретические положения кейнсианской теории вновь стали необычайно популярными в мировой хозяйственной практике. Во многом независимо от того, какая политическая партия находится во власти, либеральный подход относительно нерациональности правительственных расходов потерпел очередное фиаско, и гигантские финансовые ресурсы направлялись на спасение национальной экономики от серьезного спада и нарастающей безработицы – как бы это не отражалось на уровне бюджетной несбалансированности и динамике государственного долга. Накопиванию именно совокупного спроса способствовали налоговые преобразования, а также решения центральных банков по снижению процентных ставок за предоставляемые кредиты. Не выпадала из общемировых тенденций и деятельность российского правительства, например, по поддержке 295 системообразующих предприятий, масштабы которой оценивались в 3,5 трлн руб.

Отстаивая ценности открытой глобализованной экономики, делающей неизбежной все большую синхронность циклических колебаний конъюнктуры, власти стремятся сегодня осуществлять синхронизацию антициклических мероприятий в разных странах и унифицировать их методологию. Ведь в противном случае результаты внутренней стабилизации экономики неизбежно обесцениваются. Так, Франция в начале 1980-х гг. продолжала использовать кейнсианские рецепты антикризисного регулирования, расширяя размер государственных расходов, в то время как в других странах уже практиковалась всемерная экономия бюджетных средств. Подобные действия французского правительства привели лишь к бессмысленному росту бюджетного дефицита без сколько-нибудь заметного ускорения экономического роста в этой стране. Правительство Ирландии, подняв в 2008 г. ставку НДС до 21,5%, было вынуждено вновь ее сократить (несмотря на угрозу приближающегося дефолта), поскольку население быстро переориентировалось на приобретение продукции других стран (например, Северной Ирландии), которая в этих условиях оказалась заметно более дешевой.

Сегодня обеспечение координации антициклических мер требует создания новых международных институтов, которые наряду с ООН, МВФ, ВТО и др. усиливали бы регулирование экономики на межгосударственном уровне. Наиболее значимой в их ряду могла бы стать мировая налоговая организация, способная (например, через введение интернет-налога на передаваемую коммерческую информацию), противостоять нынешнему стремлению транснациональ-

ных корпораций оперативно перемещать товары и услуги из одной страны в другую (особенно в так называемые налоговые гавани), тем самым с легкостью уводя из-под налогообложения свои активы.

Как видим, десятилетиями занимаясь краткосрочной стабилизацией, государство накопило громадный опыт, построило разнообразные механизмы регулирования совокупного спроса и совокупного предложения. Логическим результатом такого воздействия правительств и центральных банков на производственный процесс явилось уменьшение глубины и продолжительности кризисного падения экономики, да и темпы инфляции не выходили из разумных пределов. Однако со временем на положительные результаты стали все больше накладываться негативные эффекты антициклического регулирования, свидетельствующие о его внутренней противоречивости.

Контрольные вопросы

- 1.** В чем состоит суть неокейнсианского подхода к антициклическому регулированию экономики?
- 2.** Проведите 5-6 основных отличий неоконсервативного подхода к стабилизационной политике от подхода современных кейнсианцев.
- 3.** Какая модель реализации политики краткосрочной стабилизации, по вашему мнению, проводилась в нашей стране в годы рыночных реформ? В каком направлении ее целесообразно трансформировать?
- 4.** Сопоставьте неокейнсианскую и неоклассическую модели фискальной политики на основе сравнительного анализа шведского и американского вариантов ее реализации.
- 5.** Какими инструментами Ф. Рузвельт способствовал преодолению Великой депрессии в США?
- 6.** Какие факторы привели к смене модели антициклического регулирования в 1980-е гг.? В чем проявились эти перемены?
- 7.** Раскройте закономерности смены неоклассической модели антициклического регулирования на кейнсианскую модель и наоборот.
- 8.** Преодоление глобального финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. было достигнуто преимущественным использованием кейнсианской или неоконсервативной модели?
- 9.** Докажите необходимость синхронизации антициклических мероприятий в разных странах. К чему приводит асинхронность подобных действий?

Глава 6. Противоречивость антициклического регулирования. Политико-экономический цикл

Антициклическая политика как политика тонкой настройки все же небезупречна, в ходе своей реализации она сталкивается со следующими проблемами:

1) Проблема стагфляции. Все модели антициклического регулирования экономики исходят из предположения о том, что в конкретный период существует либо инфляция (при высокой конъюнктуре), либо безработица (при конъюнктуре низкой). Но они не рассматривают четкого алгоритма поведения государства в ситуации, когда эти две главные экономические болезни вместе обосновываются в социальном организме, порождая феномен стагфляционной ловушки. Данный термин, как известно, обозначает одновременное падение производства и инфляцию в условиях, когда для преодоления экономического спада необходимы инфляционные меры, которые в свою очередь увеличивают спад, и, напротив, для противодействия инфляции требуются меры, сокращающие производство, что в свою очередь приводит к нарастанию инфляции. В этой ситуации (особо характерной для стран с переходной экономикой) перед государством встает сложнейшая проблема сочетания «жесткости» и «мягкости» в экономическом регулировании, и ее разрешение требует постоянного поиска неких пороговых значений макроэкономических показателей, за которые выходить уже нецелесообразно.

При этом необходима реализация усложненного варианта стабилизационной политики, основанного на итеративной процедуре формирования и варьирования приоритетов макроэкономического регулирования (например, отказа от сбалансированности государственного бюджета в пользу антикризисного регулирования, а затем сознательного торможения экономического роста во имя антиинфляционной профилактики). Следует отметить, что до настоящего времени данный вариант отработан не полностью.

2) Проблема ошибок прогнозирования. Меры по антициклическому регулированию оказываются результативными только при условии, что правительство и Центральный банк располагает надежной информацией о текущем состоянии, тенденциях и перспективах изменения экономической конъюнктуры. Ни один из показателей не может в одиночку предсказать грядущих перепадов

в хозяйственной динамике, а значит, и определить поворотные точки. Комитет по датировке деловых циклов, работающий при американском Национальном бюро экономических исследований, проводит качественный анализ всей имеющейся информации, отслеживая динамику средневзвешенного индекса опережающих индикаторов не менее двух кварталов подряд. Но каким бы безупречным ни казался созданный наукой экономический барометр, ошибочные предсказания все же не исключены. «Современные прогностические возможности экономической науки, – признает В. Бурлачков, – можно считать неудовлетворительными. Экономисты до сих пор не сумели разработать основы прогнозирования кризисных явлений и предвидеть кратко- и среднесрочные колебания хозяйственной конъюнктуры»¹⁷.

Например, прогноз российского правительства на 2008 г. относительно среднегодовой цены на нефть – 61 долл. за баррель, курса доллара – 26,1 руб., инфляции – 6,5–8,0% существенно разошелся с фактическими цифрами: около 100 долл., 24,5 руб., 13% соответственно. Официальные прогнозные оценки размера бюджетного излишка на 2009 г. в рамках «скользящих» трехлеток на периоды 2008–2010 гг. и 2009–2011 гг. разошлись в 32 раза. Для первого периода профицит федерального бюджета оценивался лишь в 59,3 млрд руб., а для второго – уже в 1902,4 млрд руб.¹⁸. Нередко поворот экономической конъюнктуры в сторону спада происходит так резко, что государство при всем желании не успевает задействовать даже стандартные алгоритмы антициклического регулирования. «Главная характеристика 2008 г., которая гарантирует ему особое место в мировой и российской экономической истории, – отмечает В. Мау, – быстрота развертывания экономического кризиса, скорость перехода от эйфории к ощущению обреченности»¹⁹. В условиях, когда мировые цены на товары российского экспорта резко поднялись и к данному фактору экономического роста добавился еще и фактор резкого падения процентных ставок на финансовых рынках, политическая элита еще в середине 2008 г. не могла представить, что ближайший Новый год страна будет встречать в ожидании хозяйственного коллапса. «Мировой кризис 2008–2009 гг., – признают Л. Григорьев и

¹⁷ Бурлачков В. Проблема прогнозируемости экономической системы: теоретические аспекты // Вопросы экономики. – 2010. – №11. – С. 136.

¹⁸ Селезнев А. Проблемы бюджетной трехлетки // Экономист. – 2009. – №2. – С. 18.

¹⁹ Мау В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. – 2009. – №2. – С. 4.

А. Иващенко, – не был спрогнозирован ни академическими макроэкономистами, ни правительственными консультантами, ни независимыми исследователями в целом, ни какими-либо моделями»²⁰. При последующей антикризисной корректировке государственного бюджета–2009 оценка ВВП по новому варианту составила 40,4 трлн руб. вместо 51,5 трлн руб. по варианту старому (т. е. ошибка составила 23,3%), доходная часть федерального бюджета скорректирована на 38,6% (6,7 трлн руб. вместо 10,9 трлн руб.), а расходная – на 7,4% (9,7 трлн руб. взамен 9,0 трлн руб.). Вместо ожидавшегося профицита бюджета в 1,9 трлн руб. в него был заложен дефицит в 3 трлн руб., а курс рубля пересчитан с 24,7 до 35,1 руб./долл. (на 42,1%).

Кроме того, известно, что в любой стране макроэкономическая аналитика в той или иной степени связана с апологетикой – неумеренным, чрезмерным восхвалением сложившегося здесь социально-экономического устройства, его предвзятой защитой. Проявлениями апологетики являются задержка негативных статистических данных, а, следовательно, и их корректировки, искажение сути происходящего в комментариях властей. Далеко не всегда ученые соблюдают золотое правило экономической науки, согласно которому при выработке прогнозов и рекомендаций ситуацию в стране следует оценивать такой, какая она есть, а не такой, какой ее хочется видеть. В таких условиях вероятность получения достоверного прогноза резко снижается, а значит, практические действия могут не только не улучшить экономическую ситуацию в стране, но и заметно расшатать ее.

Предположим, что правительство предсказало хозяйственное оживление в 2011 г. В своем стремлении не допустить ускорения инфляционных процессов, оно, выполняя предписания антициклической политики, закономерно ставит вопрос о повышении налоговой нагрузки на экономику. Однако вразрез с официальным прогнозом национальная экономика в силу целого ряда причин, имеющих как объективную, так и субъективную природу, погружается в пучину кризиса. В результате ошибки прогнозирования и, следовательно, необоснованного взвинчивания налоговой нагрузки масштабы экономического спада оказываются гораздо более значительными. Если же в экономике прогнозируется кризис и в связи с этим заблаговременно снижаются налоги, то неожидан-

²⁰ Григорьев Л., Иващенко А. Теория цикла под ударом кризиса // Вопросы экономики. – 2010. – №10. – С. 37–38.

но случившийся подъем становится еще более бурным и инфляционно опасным. Такое развитие событий может явиться результатом не только принципиальной невозможности своевременного обнаружения поворотных точек в хозяйственной динамике, но и следствием значительного удельного веса теневых сделок в экономике страны (и теневой занятости в структуре совокупной рабочей силы). В последнем случае состояние рецессии, наблюдаемое в ее легальном секторе, может быть ошибочно рассмотрено властями как основание для запуска совокупности экспансионистских мер, в то время как масштабный теневой сектор способен находиться уже в ситуации инфляционного бума.

Допущенные российским государством стратегические ошибки в прогнозах остаются по сей день значимым фактором усиления циклических колебаний отечественной экономики. Вряд ли можно без дискуссий согласиться с бытующим ныне официальным взглядом, в соответствии с которым если бы в предкризисный период, а конкретно в 2004–2008 гг., проницательным Минфином не был сформирован Стабилизационный фонд, то экономика России оказалась бы по сути беззащитной в период обозначившегося затем глобального кризиса. Вполне допустимой может оказаться и обратная логика развертывания причинно-следственных связей: именно отказ финансовых властей от финансирования и льготного кредитования назревших перемен в динамике и структуре отечественной экономики за счет средств Стабфонда явился предвестником грядущих кризисных потрясений в самих ее фундаментальных устоях. В. Куликов небезосновательно полагает, что именно «иммобилизация огромных стерилизуемых и фискально аккумулируемых средств и их вложение в иностранные ценные бумаги не позволили осуществить абсолютно необходимые модернизационные мероприятия, результаты которых только и образовали бы подлинно надежную антикризисную «подушку безопасности»²¹. Своевременное направление на поддержку процесса развертывания всесторонней диверсификации отечественной экономики тех немалых финансовых резервов, которые пассивно хранились в Стабилизационном фонде или тем более направлялись на льготное кредитование государств–стратегических противников Российской Федерации, явилось бы гарантом ее немалой устойчивости в обстановке всех мыслимых и немыслимых кризисов. Так, С. Глазьев считает, что в этом

²¹ Куликов В. О «болевых точках» социально-экономического развития России // Российский экономический журнал. – 2009. – №1–2. – С. 14.

случае российским предприятиям кроме всего прочего «не понадобились бы зарубежные займы – они получили бы дешевые кредитные ресурсы из внутренних источников. При этом не пришлось бы платить проценты зарубежным банкам и не возникло бы кризисной ситуации вследствие обесценения залогов и отзыва иностранных кредитов»²². Поэтому лишь в случае скорейшего восстановления тандема реального и финансового секторов отечественной экономики в рамках концепции функциональных финансов можно будет всерьез утверждать о грядущих успехах в реализации бюджетно-налоговой политики в нашей стране.

Ошибки прогнозирования, по мнению представителей теории рациональных ожиданий, могут также явиться результатом определенных, вполне осознанных шагов домохозяйств и компаний по противодействию целенаправленным стабилизирующим акциям государства. Сформировав у себя некий алгоритм рационального хозяйственного поведения и плодотворно усваивая достижения информационной революции, эти хозяйственные субъекты оказываются в состоянии успешно и своевременно распознавать истинные мотивы тех или иных государственных органов и тем самым регулярно лишать их результативности. Например, в ожидании налоговых льгот на инвестируемую часть прибыли сразу же после осознания властями угрозы спада в национальной экономике компании вполне могут резко сократить масштабы своей инвестиционной деятельности, приблизив в результате данный спад и усилив его глубину. И, наоборот, хорошо понимая неотвратимость повышения налоговой нагрузки в фазе подъема, рационально мыслящие и адекватно понимающие свою выгоду инвесторы постараются по максимуму воспользоваться некой налоговой паузой в преддверии такого подъема, и резкий всплеск капиталовложений сделает его еще более инфляционно опасным.

Выходит, что дискреционная политика в случае ошибочного прогноза способна не помочь «больному» – национальной экономике, а, напротив, навредить ему: другими словами, хотели, как лучше, а получилось, как всегда. По мнению оппонентов стабилизационной политики (неоклассиков), в случае когда члены кабинета министров не вполне уверены в достоверности своих прогнозных оценок, им лучше бездействовать, положившись на рыночные силы,

²² Глазьев С. Перспективы социально-экономического развития России // Экономист. – 2009. – №1. – С. 9.

которые несравненно эффективнее ослабляют остроту проблем безработицы и инфляции. Мнение кейнсианцев качественно иное: признавая актуальность проблемы ошибок прогнозирования, но вместе с тем исходя из убеждения о неуклонно расширяющихся способностях науки познавать окружающий мир, они склонны не отказываться от прогнозов, а всемерно совершенствовать методологию и саму технологию их выработки.

3) Проблема лагов. Лагами называются временные разрывы между экономическими явлениями, находящимися в причинно-следственной связи. Суть данной проблемы состоит в том, что стабилизационная политика (как, впрочем, и любой другой вид государственного регулирования экономики) напоминает, образно говоря, стрельбу по движущейся мишени. В то время когда правительство и центральный банк предпринимают какие-либо действия, ориентируясь на реалии сегодняшнего дня, объект их регулирования, находящийся в непрерывном движении, способен уйти далеко вперед, и в результате «выстрел» может оказаться крайне неудачным. К тому же известно, что рыночная экономика крайне инерционна. Хозяйственные процессы совершаются в ней далеко не мгновенно, и их запуск требует затрат не только ресурсов, но и времени. Поэтому в ходе реализации любой экономической политики, в том числе и антициклической, проявляется эффект запаздывания ее воздействия на объект. Оценка продолжительности данного эффекта – одна из важнейших задач макроэкономического регулирования. Государству важно знать не только вероятностный результат того или иного хозяйственного мероприятия, но и предположительный момент наступления этого результата.

В общем случае задержки (запаздывания) воздействия экономической политики можно разделить на две группы:

- а) внутренние лаги – время, необходимое для принятия решений;
- б) внешние лаги – запаздывание появления результатов тех или иных действий властей.

В ходе их детализации можно выделить целую лаговую структуру, в которую, в частности, входят:

- лаг признания;
- лаг решения;
- лаг между моментом принятия решения и началом конкретных действий;
- лаг воздействия.

Лаг признания (распознавания) – время, необходимое для осознания политиками самого факта существования проблемы регулирования и оценки степени актуальности ее разрешения. Это временной разрыв (называемый иногда разрывом восприятия), образующийся между моментом отхода национальной экономики от состояния равновесия и моментом признания политиками необходимости активных действий по ее возвращению в данное состояние. Его продолжительность в решающей степени определяется состоянием экономической науки, ее ролью в принятии политических решений. Если подсистема анализа и прогнозирования экономической конъюнктуры организована должным образом, лаг распознавания может принять и отрицательное значение: заблаговременно предсказанный футурологами перепад конъюнктуры влечет за собой упреждающий запуск соответствующего регулирующего механизма. В других случаях лаг признания становится положительным. Однако его продолжительность может быть заметно сокращена в связи с переходом развитых стран к так называемой новой экономике, базирующейся на современных информационных технологиях.

В нашей стране лаг признания традиционно является продолжительным по причине несовершенства многих исследований (в том числе из-за неполноты статистических данных и отставания в сфере информационных технологий), распространения в высших эшелонах власти склонности к волевым, не опирающимся на выводы экономической науки, решениям²³, приверженности к разного рода идеологическим стереотипам, затрудняющим понимание сложившейся ситуации (можно вспомнить относительно недавние заявления типа: «В нашей плановой экономике не может быть инфляции и безработицы!»). Известно, что отечественной науке потребовалось несколько лет для осознания кажущейся сегодня очевидной необходимости сокращения налогового бремени для производителей товаров и услуг. В то время как необходимость серьезного снижения налоговой нагрузки на отечественную экономику казалась очевидной уже в середине 1990-х гг., принятие второй части Налогового кодекса, в котором эта необходимость реализована, состоялось уже в XXI в. Другой пример:

²³ Например, ежегодные экспертные заключения Центра финансовой стратегии и денежно-кредитной политики Института экономики РАН на проекты государственного бюджета, которые носят высокопрофессиональный характер, традиционно игнорируются законодательной властью (Абалкин Л. Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии // Вопросы экономики. – 2006. – №12. – С. 7).

демографический кризис протекает в России уже много лет. Так почему же власти лишь сегодня обратили внимание общества на его зловещие симптомы? Вступление России в глобальный финансово-экономический кризис было официально признано лишь 12 декабря 2008 г., хотя еще с весны кризисные явления начали последовательно охватывать многие отрасли реального сектора отечественной экономики.

Лаг решения, или административный разрыв, – время между осознанием наличия проблемы и принятием политического решения о запуске соответствующих регулирующих механизмов. В России лаг принятия решения имеет также значительную временную протяженность, что обусловлено замедленной реакцией исполнительной и законодательной власти на возникающие в отечественной экономике процессы, а также серьезной бюрократизацией управления. Впрочем, и за рубежом на принятие политических решений уходит немало времени: колеса демократического управления, как известно, крутятся медленно.

Лаг между моментом принятия решения и началом конкретных действий государственных служб, ответственных за его осуществление, или функциональное запаздывание. Он зависит от того, насколько эффективно работает государственная машина, как налажено взаимодействие ее различных звеньев. Например, в начале 90-х гг. XX в. российское правительство приняло решение о либерализации цен, однако конкретные действия в данном направлении были предприняты лишь 2 января 1992 г., когда из-за нараставших как снежный ком инфляционных ожиданий в магазинах почти не осталось товаров.

Лаг воздействия – время, в течение которого цель макроэкономической политики реально ощущает воздействие ее инструмента. Продолжительность этого лага, в течение которого преодолевается инерционность национальной экономики, и объект государственного регулирования начинает реально меняться под влиянием каких-либо мер властей, определяется внутренним устройством инструментов экономической политики, структурой трансмиссионного механизма воздействия денежно-кредитной (бюджетно-налоговой) политики на национальный продукт, уровень цен или занятость населения. Некоторые инструменты могут обеспечить достаточно быстрое достижение заданной цели. Так, выплата детских пособий, мгновенно расширяя потребительский спрос, способна быстро повлиять на ускорение динамики национального продукта. А вот изменение денежного предложения оказывает замедленное влияние на

национальный продукт, поскольку непосредственным объектом его воздействия чаще всего являются процентные ставки, через изменение которых, а также через сдвиги в инвестиционной активности можно затормозить (ускорить) динамику ВВП. Встречаются случаи и чрезвычайно длительных лагов воздействия, например, при государственном финансировании фундаментальной науки и техники. Даже в жестко ориентированной на усвоение достижений НТП американской экономике бюджетные ассигнования в инновации обычно обеспечивают рост национального продукта не ранее, чем через 5–8 лет. Расчет временной протяженности лагов различных инструментов позволяет классифицировать эти инструменты по величине вероятного эффекта и степени быстрогодействия, понять, какие из них дадут результат немедленно, а какие – лишь в отдаленной перспективе. Это обеспечивает обоснованность долгосрочных политических решений, ответственность обещаний, а также контроль над их выполнением. Правительство, не обещающее ничего конкретного, обречено на неэффективность, поскольку лишается доверия населения.

Таким образом, политика тонкой настройки как инструмент сглаживания циклических колебаний экономики способна дать сбой не только вследствие плохого качества прогнозов и сложности точно прогнозировать перепады конъюнктуры (особенно в рамках циклов малой продолжительности), но и в силу того, что бюрократическая система управления нередко оказывается неспособной быстро реагировать на смену ситуации и своевременно принимать решения. Несмотря на все достижения прогнозирования в последние десятилетия, промежуток времени между началом экономического спада, роста безработицы (или началом подъема, чреватого инфляционным всплеском) и их осознанием прогнозистами по-прежнему остается значительным (обычно он составляет 4–6 месяцев). Поэтому субъекты экономической политики часто допускают медлительность, усиливающую конъюнктурные колебания. Запоздалые управленческие решения подчас влекут за собой гораздо больше вреда, чем пассивное бездействие, особенно если в стране продолжает функционировать стихийно-рыночный механизм саморегулирования, способный самостоятельно достигать многие значимые цели. Если регулирующие действия властей отстают от темпа развертывания событий в национальной экономике всего на шаг, то результативность подобных действий существенно снижается. При отставании на два шага они напрочь утрачивают свою эффективность, на три –

становятся попросту вредными. Иногда правительственные меры по антикризисному регулированию экономики предпринимаются уже на стадии ее самопроизвольного оживления под влиянием механизмов рыночной конкуренции. Следствием этого могут стать, например, деформация механизма развертывания фазы оживления и ее перерастание в инфляционный бум.

4) Проблема оппортунизма политических лидеров. Оппортунизм (от лат. *opportunus* – «удобный», «выгодный») в экономической политике возникает, когда цели политиков вступают в противоречие с интересами благосостояния населения. Антициклическое регулирование (и экономическую политику в целом) проводят правительство и выборные органы власти, которые обычно коррумпированы и решают прежде всего свои собственные, выгодные для себя задачи – в частности переизбрания на следующий срок для сохранения так называемой политической ренты. Так что деформация цикла и использование антициклических регуляторов в собственных интересах политиков неизбежны. Причем такое злоупотребление экономической властью очень трудно доказать: опытные политики всегда сумеют объяснить свои нерациональные, однако создающие им дополнительные удобства решения заботой об общественных интересах.

У. Нордхаус в 1975 г. и Д. Макрэй в 1977 г. доказали довольно стабильное чередование определенных направлений экономической политики, обусловленное движением рейтинга правительства, а также тем, на какой стадии находится борьба за политическую власть. На формирование приоритетов макроэкономического регулирования в немалой степени влияют и конъюнктурные внутривнутриполитические обстоятельства, в том числе стремление властей максимизировать шансы своего переизбрания на новый срок. Реальность такова: когда правительство (сформированное правящей партией) изменяет цели и приоритеты экономической политики, запускает те или иные регуляторы, оно помимо всего прочего заботится о том, чтобы склонить на свою сторону общественное мнение. В результате складывается устойчивая связь между колебаниями индекса популярности правительства и стадией политической борьбы, с одной стороны, и динамикой макроэкономических показателей, тем или иным набором инструментов экономической политики – с другой.

В книге Дж. Бьюкенена и Г. Таллока «Расчет согласия» (1962) проанализирован процесс принятия политических решений с помощью методов эконо-

мической теории. До этого господствующей была точка зрения о том, что всякое политическое решение является попыткой правительства добросовестно добиваться важнейших на данный момент макроэкономических целей. В противовес этой позиции Дж. Бьюкенен (лауреат Нобелевской премии 1986 г.) и Г. Таллок доказывали, что политики стремятся прежде всего «заработать» как можно больше голосов своих избирателей. Экономисты предложили анализ политики как разновидность анализа рынка: политические решения и сам размер государственного сектора определяются соотношением сил между лоббистскими организациями и группами избирателей, которые требуют реформ и выгод в свою пользу, с одной стороны, и политиками, которые стремятся максимизировать число своих сторонников на предстоящих выборах, – с другой. Не секрет, что отмеченная выше государственная программа поддержки 295 российских предприятий в разгар кризиса-2009 формировалась не столько по критерию социальной значимости для отечественной экономики, их системообразующего характера, сколько исходя из тесноты связей финансовых властей с теми или иными компаниями.

Нельзя смотреть на политиков только как на просвещенных и всезнающих людей, чьи решения продиктованы исключительно искренним стремлением стабилизировать экономику. Их важнейшая цель – одержать победу на выборах, и в стремлении к ней они могут склониться к принятию экономически необоснованных решений. Известно, что избиратели голосуют за политика исходя из экономической ситуации на момент голосования. Поэтому у правящей партии появляется стимул проводить ту политику, результаты которой выглядят выигрышно именно сегодня. Естественно, шансы на переизбрание в ситуации хозяйственного подъема в стране гораздо выше, чем в период спада. В силу этого при приближении выборов президент, члены кабинета министров и депутаты парламента от правящей партии склонны принимать меры по сокращению уровня безработицы и всемерно стимулировать экономику. Для этого уменьшаются налоговые ставки, увеличиваются расходы на социальные цели, используются инфляционные методы денежно-кредитного регулирования экономики. Если же у партии власти в парламенте нет стабильного большинства, используется соглашение между партиями левого и правого толка, допустим, такого рода: «Поддержите наше предложение о росте бюджетного дефицита, то мы поддержим ваше предложение о приватизации». Например, в недавнем

прошлом согласие министра финансов А. Кудрина выделить из Стабфонда средства на покрытие дефицита Пенсионного фонда параллельно с учреждением Инвестиционного фонда явилось для него средством нейтрализации еще более мощной угрозы федеральному бюджету, исходившей из предложения экс-премьер-министра Фрадкова о сокращении ставки НДС с 18 до 13%. Так накапливается совокупный спрос, чтобы политически выжить за счет краткосрочного экономического подъема. Аналогичные приемы используются и внутри избирательного цикла, если индекс популярности правительства и президента опускается ниже отметки политического выживания (51–52%). Эти действия наиболее вероятны, если лидеры страны реализуют стратегию не быстрой наживы (предполагающей получение максимально возможной ренты в течение первого же своего избирательного срока), а долговременного пребывания, стараясь максимально продлить свою политическую жизнь. При этом учитывается, например, тот факт, что наращивание денежной массы намного быстрее срабатывает в плане повышения темпов экономического роста страны и сокращения безработицы, нежели в части ускорения инфляционных процессов (которое желательно перенести за временные рамки избирательного марафона). Такой перенос инфляции в будущее случился в нашей стране в период президентских выборов 2004 г. в результате заключения ценового пакта между партией власти и отечественными монополистами, что привело к отложенной инфляции до марта и ускорению ее темпов в мае, когда за месяц цены подскочили сразу на 3,6% (двухлетняя норма для стран ЕС). Нечто подобное происходило на наших глазах и в ходе избирательной кампании 2008 г. Однако это вовсе не является какой-то особенностью нашей страны. Вызванную старением населения потребность в наращивании государственных расходов на пенсии и здравоохранение в развитых странах G-20 (за период 2010-2030 гг. на 0,9 п.п. и 3,9 п.п. соответственно) оказывается крайне трудно реализовать, так как «принятие непопулярных мер не принесет каких-либо быстрых положительных результатов и не добавит политических дивидендов их инициаторам. Возникает высокая вероятность реализации политических рисков, связанных с электоральным циклом. Во многих крупных развитых странах проявляется тревожная тенденция затягивать принятие необходимых решений, переносить финансово-экономические проблемы на следующий выборный цикл»²⁴.

²⁴ Улюкаев А., Куликов М. Глобальная нестабильность и реформа финансовой сферы России

Если выборы совпали с пиком экономического подъема в стране или проводятся через некоторое время после его закономерного завершения, то экспансионистские действия властей, всецело направленные на сохранение политического влияния на избирателей, неизбежно усиливают циклические колебания национальной экономики и, спровоцировав ее инфляционный перегрев, обрекают население страны на падение жизненного уровня уже в самом ближайшем будущем. Действительно, уже первые месяцы после выборов обычно отмечены стремлением вновь избранных властей сократить дефицит бюджета за счет роста налоговой нагрузки и секвестирования многих статей государственных расходов, установить жесткие денежные ограничения. Радикальность подобных преобразований проявляется с особой силой в случае победы партии, прежде находившейся в оппозиции. Ведь ей необходимо доказать свое умение лечить вызванные предшественниками хозяйственные болезни, путем изменения приоритетов макроэкономического регулирования выполнить хотя бы часть своих предвыборных обещаний.

Для американской экономики выведена закономерность: на каждый второй год правления республиканцев приходится спад производства; каждый второй год правления демократов экономика, наоборот, переживает подъем. Это связано с различным отношением данных партий к выбору между безработицей и инфляцией. Республиканцы считают инфляцию большим злом и поэтому стремятся ценой спада производства нейтрализовать тенденцию роста общего уровня цен. Политика демократической партии, напротив, нацелена на расширение производства, которое вызывает сокращение безработицы, но в итоге обычно стимулирует инфляцию. Одним из проявлений политического делового (политико-экономического) цикла в России является резкое увеличение количества законов, инициируемых депутатами Государственной думы накануне выборов и имеющих преимущественно популистский характер. Таким образом, политический деловой цикл – это цикл экономической и политической активности правительства (выборных государственных органов) между выборами²⁵. Представители теории политического бизнес-цикла опираются на предположение о том, что политические лидеры полностью овладели фискальными и монетар-

// Вопросы экономики. – 2010. – №9. – С. 10.

²⁵ Нуреев Р. Теория общественного выбора. Гл. 11. Политический деловой цикл и его особенности в современной России // Вопросы экономики. – 2003. – №6. – С. 135.

ными инструментами и способны в любой момент активно их задействовать по собственному усмотрению в интересах укрепления своей власти в стране.

Рассмотрим график электорального цикла (рис. 6.1).

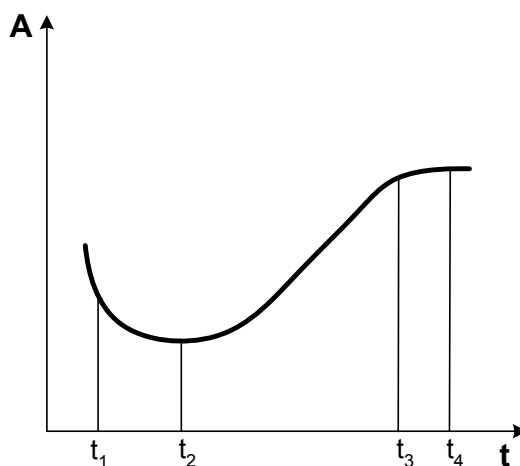

Рис. 6.1. Электоральный цикл

А – показатель уровня экономической активности правительства

За моментом проведения выборов (t_1) следует ограничительная политика, неизбежно снижающая популярность властей. Затем наступает момент, когда уже пора позаботиться об итогах предстоящих выборов (t_2), ведь инструменты экономической политики, как известно, срабатывают с опозданием. До момента t_3 продолжается экспансионистский период регулирующей деятельности правительства, когда его экономическая активность стремительно нарастает. Перед самими выборами (t_4) наступает относительное затишье – правительство сделало все, что могло, и обеспокоено не столько решением предвыборных проблем, сколько поиском иных средств давления на итоги выборов – задействованием так называемого административного ресурса.

Например, к январю 1983 г. индекс популярности Р. Рейгана составил 35% (в основном из-за экономического кризиса 1981–1982 гг.). В 1983–1984 гг. в бюджетных решениях его администрации проявились ранее не свойственные ей симптомы заигрывания с населением – попытки ослабить неравенство в доходах, поддержать совокупный спрос и занятость. Результатом принятых экспансионистских мер, которые в соответствии с закономерностями электорального цикла проводились незадолго до выборов, чтобы избиратели не успели забыть благодеяний властей, явилось избрание Рейгана президентом США на второй

срок. Так что специалисты по политическому циклу деловой активности, определяющие принципы проведения избирательной кампании, входят в Совет экономических консультантов президента США или регулярно сотрудничают с ним не случайно.

Наивно полагать, что государственный аппарат всегда действует в законных, легитимных рамках и неуклонно преследует исключительно интересы общества. Отстаивающая именно такой взгляд традиционная теория не принимает в расчет возможность того, что какая-то предприимчивая группа людей может использовать институт государства для реализации своих частных интересов при ущемлении интересов общественных. Между тем все шире распространяющийся в современной науке альтернативный подход склонен объяснять вмешательство государства в экономику не только провалами рынка, но и так называемой политической игрой, т. е. попытками организованных общественных групп использовать ресурсы государства для увеличения своей доли в национальном доходе. Ставя во главу угла свои особые интересы, эти группы людей стремятся через правительственные институты получить для себя немалые материальные выгоды, осуществляя так называемую погоню за рентой. Рентой же в данном специфическом случае признается любой платеж фирме – поставщику ресурсов, который оказывается выше суммы, получаемой ею в конкурентной среде.

Представители определенных отраслевых и региональных лобби в стремлении максимизировать свой доход могут добиться в коридорах власти, например, определенных налоговых преференций или проведения протекционистской политики (ограничения ввоза в страну, скажем, иностранных автомобилей) и тем самым ослабить конкурентную среду. Так, в России в начале рыночной трансформации экономики наряду с льготными кредитами широко применялся режим экспортных квот, при котором колоссальная разница мировых и внутрироссийских цен мгновенно превращала в мультимиллионеров избранных представителей номенклатуры и примкнувшего к ней нарождающегося «бизнеса». При этом масштабные таможенные льготы (в частности, по поставке алкогольной, табачной продукции) предоставлялись многочисленным церковным, спортивным, ветеранским организациям, которые таковыми являлись лишь на бумаге. Слабость российского государства в сочетании с силой бюрократии проявляется в высочайшем уровне коррупции, т. е. использования должност-

ных полномочий для получения личной выгоды. Расцвет коррупции в нашей стране в немалой степени обусловлен использованием разрешительного принципа во многих хозяйственных новациях (например, при открытии малого предприятия), которые в других странах требуют всего лишь уведомления общества. Российский бизнес по сей день сталкивается с чудовищным избытком всевозможных регламентаций, которые к тому же применяются выборочно и часто меняются, что в сочетании с несовершенством судебной системы постоянно воспроизводит коррупцию. По оценке организации Трансперенси Интернешнл по индексу коррупции Россия занимала в сентябре 2009 г. 147 место (располагаясь рядом с Бангладеш, Кенией и Сирией) среди 180 анализируемых по этому признаку стран. Причем масштабы коррупционной деятельности вряд ли заметно сократятся после резкого повышения уровня заработной платы административно-управленческого аппарата, которое аргументируется как раз необходимостью борьбы с данным социальным злом. Например, не секрет, что внешний долг Российской Федерации периодически неожиданно возрастает. И дело здесь не только в том, что, будучи номинирован (хотя бы частично) в евро, он регулярно ощущает на себе укрепление данной валюты по отношению к доллару. Немаловажное значение имеет здесь и явное пристрастие некоторых российских чиновников к признанию сомнительных долгов нашей страны перед государствами, не входящими в Парижский клуб (например, Чехией, Словакией, Венгрией). Подобному признанию обычно предшествует скупка ими российских долгов по бросовым ценам на вторичном рынке. После признания Россией такой задолженности котировки облигаций мгновенно взлетают до невиданных высот, и российские налогоплательщики оказываются вынужденными оплачивать конкретным физическим лицам крупные суммы.

Следует подчеркнуть, что коррупция может выполнять как ограничительную, так и стимулирующую экономический рост функцию. Последняя может реализоваться ею в процветающих странах, где коррумпированные чиновники по понятным причинам «не замечают» нарушений фирмами действующих избыточных правовых ограничений их деятельности, способствуя тем самым дальнейшему наращиванию рейтинга экономической свободы в обществе. Но если взяточничество распускается пышным цветом в странах, где эффективное государственное регулирование (например, выстраивание таможенных барьеров) является насущной потребностью, где господствует монополизм и многие

активы принадлежат государству, то широкомасштабное измождение, еще более ослабляющее конкуренцию и лишаящее рынок необходимой гибкости, становится дополнительным тормозом хозяйственного прогресса.

Процветание коррупции в современной России не случайно: наиболее благоприятные условия для нее формируются в странах, экономика которых базируется на задействовании не столько человеческих, сколько природных ресурсов, где деньги создаются как бы из воздуха, а, точнее, выкачиваются из-под земли. Делиться этими сверхдоходами с основной массой жителей страны недропользователям совсем не хочется, благо есть коррумпированные чиновники. Невысокий уровень жизни населения нашей страны во многом объясняется именно коррупционностью власти, коэффициент корреляции благосостояния, от уровня которой составляет, по оценке В. Бобкова, 0,93²⁶.

Впрочем, не следует преувеличивать результаты исследований в области политико-экономического цикла. Динамика рейтинга правительства, причины победы (поражения) президента или губернатора на выборах, механизм формирования целевой функции и вариантов экономической политики столь сложны, что едва ли в них можно разобраться путем одних только сопоставлений динамических рядов, где фигурируют, скажем, индекс популярности и уровень безработицы. Так, в Великобритании признаки электорального цикла вообще почти незаметны, партии побеждают и проигрывают на выборах вне жесткой зависимости от динамики безработицы и инфляции. В прошедших в 2010 г. парламентских выборах в Нидерландах наилучший результат показала Народная партия за свободу и демократию, хотя она активно выступала за урезание правительственных расходов и увеличение пенсионного возраста. Как отмечают А. Улюкаев и М. Куликов, «в 1990-е годы в Швеции за восемь лет бюджетный дефицит был уменьшен на 16,5 п.п. от ВВП, в Финляндии – на 14, в Канаде – на 11 п.п. примерно за тот же срок. Так что электоральные циклы не могут рассматриваться как непреодолимое препятствие»²⁷. К тому же следует учитывать, что, во-первых, избиратели реагируют на изменения социально-экономической ситуации с опозданием, а во-вторых, их реакция зависит от сложного комплекса факторов, которые нельзя сводить к одним только экономическим пробле-

²⁶ Бобков В.С. Уровень социального неравенства // Экономист. – 2006. – №3. – С. 8–9.

²⁷ Улюкаев А., Куликов М. Глобальная нестабильность и реформа финансовой сферы России // Вопросы экономики. – 2010. – №9. – С. 10.

мам. Да и с экономической точки зрения на политические симпатии электората влияет не столько общий темп инфляции в стране, сколько динамика цен в ближайших магазинах, аналогично тому, как для биржевого брокера важнее не темп экономического роста, а колебания индекса Доу–Джонса. К слабостям теории политического цикла деловой активности можно отнести и чрезвычайную сложность одновременной минимизации темпов инфляции и уровня безработицы как противоречивых макроэкономических целей. В современной России, как и во многих развивающихся странах, излишняя терпимость избирателей к нечистоплотности политиков, чрезмерно длительное присутствие последних во властных структурах (порой вразрез с закономерностями политико-экономического цикла) обусловлены не только безграничными возможностями использования ими своего административного ресурса, но и опасением (далеко не беспочвенным), что к власти могут прийти еще более некомпетентные и оппортунистически настроенные политические силы.

И все же очевидно, что одной из немаловажных причин колебаний в экономике выступает сам политический процесс, а периодичность выборов органов власти является весьма значимым фактором, определяющим продолжительность воспроизводственных циклов. Бюджетно-налоговая и денежно-кредитная политика являются мощными орудиями государства, напоминающими ядерное оружие, а потому антициклическое регулирование способно гарантировать экономическую безопасность страны и одновременно представлять скрытую угрозу для ее стабильного функционирования. В связи с этим в мировой науке дискуссионным является вопрос: следует ли связывать руки политикам, делая акцент на политику строгих правил, или целесообразно осуществлять политику тонкой настройки, позволяя властям вносить любые коррективы в применяемые инструменты регулирования в случае изменения экономической ситуации? В первом случае можно было бы в немалой степени обезопасить экономику от влияния политической конъюнктуры, что в долгосрочном плане, возможно, способствовало бы ее устойчивому росту. Однако это неизбежно ведет к сужению возможностей воздействия избирателей на макроэкономическую политику. Кроме того, безусловный акцент на политике строгих правил способен ввергнуть страну в глубокий кризис, поскольку кодекс данной политики запрещает принятие государством комплекса активных «пожарных» мер по преодолению форс-мажорной ситуации. При политике тонкой настрой-

ки, будь то политика бюджетно-налоговая или денежно-кредитная, достоинства и недостатки поменялись бы местами. Риска оказаться в руках недобросовестных, некомпетентных политиков, страна в то же время могла бы получить шанс на оперативную корректировку хозяйственной ситуации, изменившейся в негативную сторону.

Вопросы экономической политики слишком важны, чтобы их решение оставить на усмотрение политиков. Взрывоопасность ситуации заключается в том, что мощные инструменты монетарной и фискальной политики могут оказаться в руках некомпетентных или оппортунистически настроенных политиков. Некомпетентность в государственном регулировании экономики весьма вероятна: экономическая наука довольно сложна, и политики зачастую недостаточно разбираются в ее закономерностях. Это создает благоприятную почву для популистов, предлагающих заманчивые, но абсурдные способы разрешения сложных проблем, отстаивающих свои собственные (а вовсе не общественные) интересы, а также интересы энерго-сырьевого лобби, по-прежнему оказывающего в нашей стране огромное влияние на проводимую государством экономическую политику.

В мире уже давно изыскиваются способы ограждения экономики от политических игр путем внесения изменений в законодательство. Так, страны ЕС ограничены в своих фискальных действиях требованием о недопущении бюджетного дефицита свыше 3% (отражено в Маастрихтском пакте стабильности, заключенном странами-членами Экономического и Валютного союза ЕС), а государственного долга – более 60% ВВП. Правда, в результате оживленных дискуссий страны ЕС в марте 2005 г. договорились о заметном ослаблении первого из этих ограничений. Германии выход за верхнюю планку бюджетной несбалансированности разрешен в связи с необходимостью дальнейшего финансирования ее восточных земель, Франции – ввиду ее масштабной поддержки определенных стран третьего мира, Польше и Венгрии – по причине начавшейся в них радикальной пенсионной реформы. Правительства многих стран зоны евро в 2009–2010 гг. считают недопустимым сокращение своих расходов в обстановке глобальной рецессии, несмотря на то, что это выводит бюджетный дефицит за предельно допустимую границу.

Изучение зарубежного опыта реализации политики строгих правил позволяет ученым нашей страны ставить на законодательную основу вопрос о пре-

дельно допустимой величине бюджетного дефицита (профицита), количественном ограничении темпов расширения (сжатия) денежного предложения. В соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации размер дефицита федерального бюджета не должен превышать суммарного объема централизованных инвестиций и расходов на обслуживание государственного долга. Кодекс устанавливает и верхний предел наращивания внутреннего и внешнего долга российского государства, а также предельную величину его внешних заимствований на ближайший финансовый год. Это позволяет рассчитывать на то, что Министерство финансов, Министерство экономического развития, бюджетный комитет Государственной Думы и другие звенья государственной машины будут в большей степени, чем ранее, ориентироваться в проводимой ими фискальной политике не на свои собственные цели, а на интересы всего российского общества, а также на то, что в действиях властей станет меньше популизма и больше ответственности за судьбы страны.

Контрольные вопросы

1. Есть ли у вас сомнения в действенности антициклического регулирования экономики? Если есть, то какие?
2. Почему в ситуации стагфляции трудно всерьез рассчитывать на результативность политики краткосрочной стабилизации?
3. Охарактеризуйте проблему ошибок прогнозирования в качестве противоречия антициклического регулирования экономики.
4. Каковы способы разрешения проблемы ошибок прогнозирования в нашей стране?
5. Охарактеризуйте проблему временных лагов в качестве противоречия антициклического регулирования экономики.
6. В чем состоит суть эффекта запаздывания при проведении экономической политики? Каковы составные элементы лаговой структуры?
7. Обоснуйте необходимость расчета лагов различных инструментов в деятельности правительства.
8. Какие факторы определяют в нашей стране продолжительность лага признания, лага решения, лага между принятием решения и началом конкретных действий, лага воздействия?

- 9.** Перечислите три–пять инструментов политики, указав вероятную продолжительность лага их воздействия на ту или иную макроэкономическую цель.
- 10.** Способно ли правительство деформировать воспроизводственный цикл в своих узкогрупповых интересах? Каковы ваши предложения по сокращению коррупционной составляющей экономической политики в современной России?
- 11.** Какие объективные и субъективные факторы определяют чередование фаз политико-экономического цикла?
- 12.** Каких изменений в экономической политике следует ожидать в периоды сразу после и накануне выборов в парламент, внутри избирательного цикла?

Заключение

Значимым компонентом рыночной системы экономических отношений выступает государственное регулирование народнохозяйственного организма, использующее преимущественно косвенные его инструменты и нацеленное вовсе не на устранение объективных причин циклических колебаний (что в принципе невозможно), а лишь на сглаживание их, на своевременное замедление темпов инфляционного роста цен и (или) смягчение глубины кризисного сжатия национальной экономики. Зародившись в условиях Великой депрессии 1929–1933 гг. и активно поспособствовав ее преодолению, политика краткосрочной стабилизации последовательно прошла затем этапы преувеличения своих возможностей, своего рода эйфории послевоенного периода и пессимистической переоценки ее регулирующих способностей 1970–1980-х гг., и в очередной раз доказала свой мощный преобразующий потенциал в обстановке глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. – хотя и в этот непростой период в эффективности стабилизационных мероприятий в различных странах и регионах мира наблюдался заметный разброс. И приходится с сожалением констатировать, что в числе аутсайдеров по степени успешности предпринятых дискреционных действий фискального и монетарного порядка представлена Российская Федерация, сокращение объема ВВП которой – несмотря на масштабность ресурсов, задействованных в антикризисных целях, – оказалось наиболее глубоким среди стран «Большой двадцатки». Явно не блестящими следует признать и темпы протекающего сегодня ее посткризисного восстановления, качество которого к тому же остается невысоким – прежде всего из-за ставшей традицией его опоры на сырьевой сегмент национального хозяйства при сохраняющемся неблагоприятном инвестиционном климате в сегменте обрабатывающих отраслей, выпускающих продукцию с высокой добавленной стоимостью. Поэтому детальное изучение закономерностей циклического развития отечественной экономики в контексте обширного зарубежного опыта и критическое рассмотрение результативности государственной бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики в обстановке кризисов последних двух десятилетий выступают неперенными условиями успешности грядущей хозяйственной динамики российского общества.

Темы рефератов

1. Анализ и прогнозирование экономической конъюнктуры.
2. Экономические циклы в мировой хозяйственной истории.
3. Причины цикличности экономического развития в различных научных школах.
4. Внешние и внутренние причины циклического развития экономики: диалектическое единство.
5. Классификация экономических циклов.
6. Индикаторы экономической конъюнктуры.
7. Фазы экономического цикла.
8. Механизм выхода из кризиса.
9. Разрушительная и созидательная роль экономических кризисов.
10. Современные экономические циклы: специфические черты.
11. Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. и механизм его воздействия на российскую экономику.
12. Антициклическое регулирование национальной экономики.
13. Бюджетно-налоговая политика государства в механизме антициклического регулирования экономики.
14. Денежно-кредитная политика государства в механизме антициклического регулирования экономики.
15. Инструменты политики краткосрочной стабилизации: сравнительный анализ результативности.
16. Модели стабилизационной политики.
17. Великая депрессия 1929–1933 гг. и механизм ее преодоления.
18. Ошибки прогнозирования и способы их искоренения.
19. Проблема временных лагов и необходимость ее учета в практике антициклического регулирования российской экономики.
20. Оппортунизм в экономической политике российского государства: механизм противодействия.

Библиографический список

1. Абалкин, Л. Размышления о долгосрочной стратегии, науке и демократии / Л. Абалкин // Вопросы экономики. – 2006. – №12.
2. Алексащенко, С. Кризис-2008: пора ставить диагноз / С. Алексащенко // Вопросы экономики. – 2008. – №11.
3. Бобков, В. С. Уровень социального неравенства / В. С. Бобков // Экономист. – 2006. – №3.
4. Бузгалин, А., Мировой экономический кризис и сценарии послекризисного развития: марксистский анализ / А. Бузгалин, А. Колганов // Вопросы экономики. – 2009. – №1.
5. Бурлачков, В. Проблема прогнозируемости экономической системы: теоретические аспекты / В. Бурлачков // Вопросы экономики. – 2010. – №11.
6. Глазьев, С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов / С. Глазьев // Вопросы экономики. – 2009. – №3.
7. Глазьев, С. Перспективы социально-экономического развития России / С. Глазьев // Экономист. – 2009. – №1.
8. Гурвич, Е. Насколько точны макроэкономические и бюджетные прогнозы? / Е. Гурвич // Вопросы экономики. – 2006. – №9.
9. Григорьев, Л. Теория цикла под ударом кризиса / Л. Григорьев, А. Иващенко // Вопросы экономики. – 2010. – №10.
10. Григорьев, Л., Финансовый кризис-2008: вхождение в мировую рецессию / Л. Григорьев, А. Иващенко // Вопросы экономики. – 2008. – №12.
11. Ершов, М. Кризис 2008 года: «момент истины» для глобальной экономики и новые возможности для России / М. Ершов // Вопросы экономики. – 2008. – №12.
12. Ершов, М. Новые риски посткризисного мира / М. Ершов // Вопросы экономики. – 2010. – №12.
13. Жуков, К. Ф. Новые тенденции в накоплении денежного капитала в мировой экономике / К. Ф. Жуков // Финансы. – 2006. – №7.
14. Замараев, Б. Экономические итоги 2008 года: конец «тучных» лет / Б. Замараев, А. Киюцевская, А. Назарова, Е. Суханов // Вопросы экономики. – 2009. – №3.
15. Корнаи, Я. Трансформационный спад / Я. Корнаи // Вопросы экономики. – 1994. – №3.
16. Кудрин, А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию / А. Куд-

рин // Вопросы экономики. – 2009. – №1.

17. Кудрин, А. Последствия кризиса и перспективы социально-экономического развития России / А. Кудрин, О. Сергиенко // Вопросы экономики. – 2011. – №3.

18. Куликов, В. О «болевых точках» социально-экономического развития России / В. Куликов // Российский экономический журнал. – 2009. – №1–2.

19. Куликов, В. Уроки кризиса и задачи экономической политики / В. Куликов // Российский экономический журнал. – 1998. – № 9-10.

20. Кушлин, В. Посткризисная экономика: управление развитием / В. Кушлин // Экономист. – 2010. – №6.

21. Кушлин, В. Факторы экономического кризиса и базис его преодоления / В. Кушлин // Экономист. – 2009. – №3.

22. Маневич, В. О роли монетарной и финансовой политики в России в период кризиса и после него / В. Маневич // Вопросы экономики. – 2010. – №12.

23. Мау, В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису / В. Мау // Вопросы экономики. – 2009. – №2.

24. Мау, В. Экономическая реформа и политический цикл в современной России / В. Мау // Вопросы экономики. – 1996. – №6.

25. Миронов, В. Российская экономика в контексте развития мировых энергетических рынков / В. Миронов, С. Пухов // Вопросы экономики. – 2006. – №8.

26. Набиуллина, Э. О приоритетах экономической политики в 2010 г. / Э. Набиуллина // Экономист. – 2010. – №6.

27. Навой, А. Российские кризисы образца 1998 и 2008 годов: найти 10 отличий / А. Навой // Вопросы экономики. – 2009. – № 2.

28. Нуреев, Р. Теория общественного выбора. Гл. 11. Политический деловой цикл и его особенности в современной России / Р. Нуреев // Вопросы экономики. – 2003. – №6.

29. Ольсевич, Ю. Психологические аспекты современного экономического кризиса / Ю. Ольсевич // Вопросы экономики. – 2009. – №3.

30. Остапкович, Г. О системе индикаторов цикличности экономики / Г. Остапкович // Вопросы статистики. – 2000. – №12.

31. Поздеев, В. О циклических колебаниях в экономике / В. Поздеев // Проблемы теории и практики управления. – 2006. – №9.

32. Попов, Г. Об экономическом кризисе 2008 года / Г. Попов // Вопросы экономики. – 2008. – №12.

33. Селезнев, А. Проблемы бюджетной трехлетки / А. Селезнев // Экономист. – 2009. – №2.
34. Сенчагов, В. Мировой финансовый кризис и пути преодоления его последствий / В. Сенчагов // Проблемы теории и практики управления. – 2008. – №12.
35. Смирнов, С. Факторы циклической уязвимости российской экономики / С. Смирнов // Вопросы экономики. – 2010. – №6.
36. Сухарев, О. Мировой финансовый кризис и способность экономики к развитию / О. Сухарев // Экономист. – 2008. – №12.
37. Титов, А.А. Налогообложение прибыли в свете мировой практики / А. А. Титов // Налоги. – 2006. – №1.
38. Улюкаев, А. Глобальная нестабильность и реформа финансовой сферы России / А. Улюкаев, М. Куликов // Вопросы экономики. – 2010. – №9.
39. Шмелев, Н. Кризис внутри кризиса / Н. Шмелев // Вопросы экономики. – 1998. – №10.
40. Экономический кризис в России: экспертный взгляд // Вопросы экономики. – 2009. – №4.
41. Яковец Т. Проблема выхода из кризиса и исторический опыт России / Т. Яковец // Общество и экономика. – 1998. – №4-5.
42. Яковец, Ю. В. Циклы, кризисы, прогнозы / Ю. В. Яковец. – М. : Наука, 1999.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Циклические колебания экономической конъюнктуры и их причины. Классификация экономических циклов	4
Глава 2. Фазы экономического цикла. Механизм выхода из кризиса	19
Глава 3. Особенности современных экономических циклов	30
Глава 4. Политика краткосрочной стабилизации. Противодействие колебаниям экономической конъюнктуры	36
Глава 5. Модели антициклического регулирования экономики	55
Глава 6. Противоречивость антициклического регулирования экономики. Политико-экономический цикл	67
Заключение	88
Темы рефератов	89
Библиографический список	90

Учебное издание

КАПКАНЩИКОВ Сергей Геннадьевич

**КРИЗИСЫ В МЕХАНИЗМЕ ЦИКЛИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ
И РОЛЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ИХ ПРЕОДОЛЕНИИ**

Учебное пособие

Редактор М. В. Штаева

ЛР № 020640 от 22.10.97.

Подписано в печать 11.08.2011. Формат 60x84/16.

Усл. печ. л. 5,58. Тираж 100 экз. Заказ 820.

Ульяновский государственный технический университет
432027, г. Ульяновск, Сев. Венец, 32.

Типография УлГТУ, 432027, г. Ульяновск, Сев. Венец, 32.